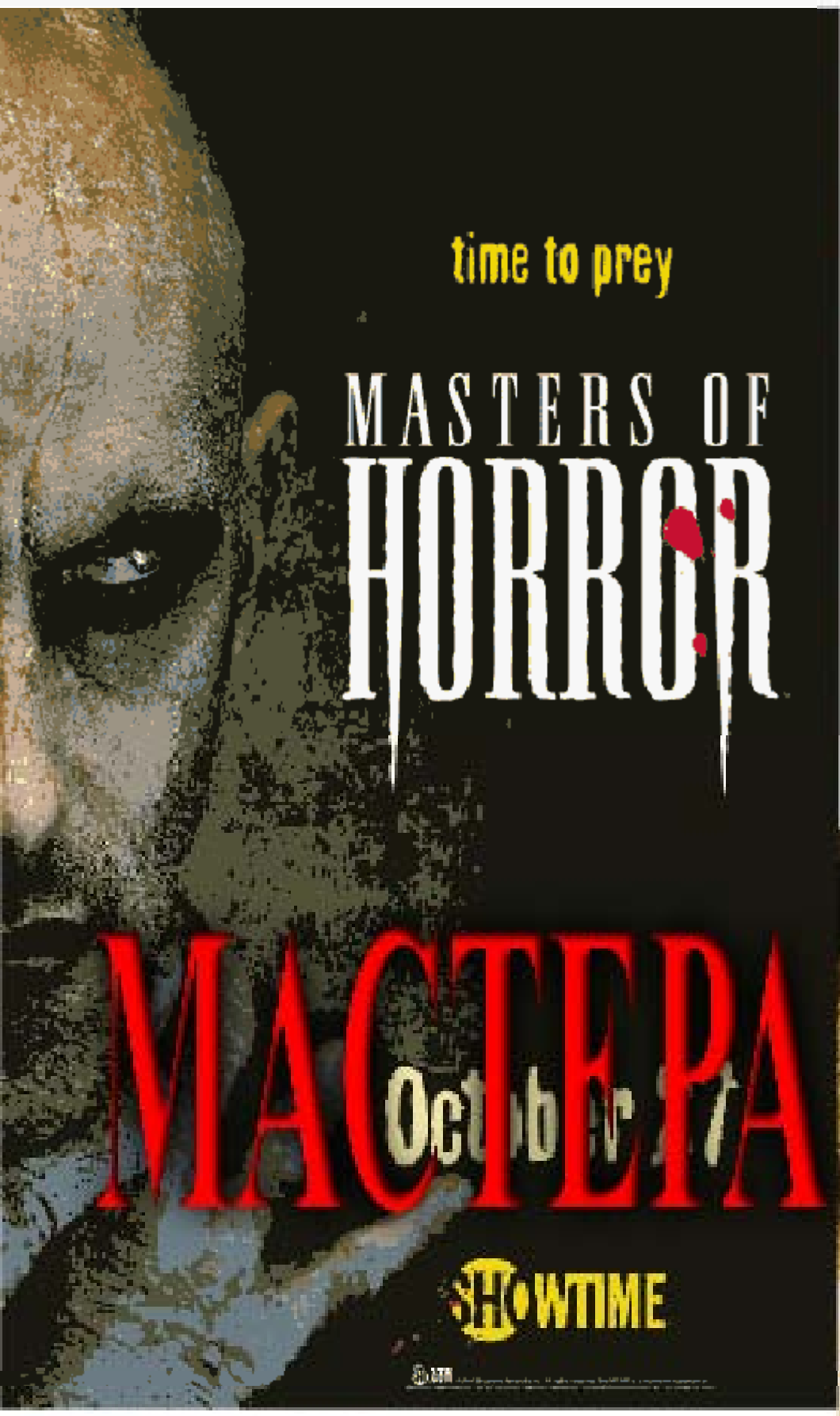
www.ourdarkness.info

ТЬМА

№1 (2)2007
ЕЖЕКВАРТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ



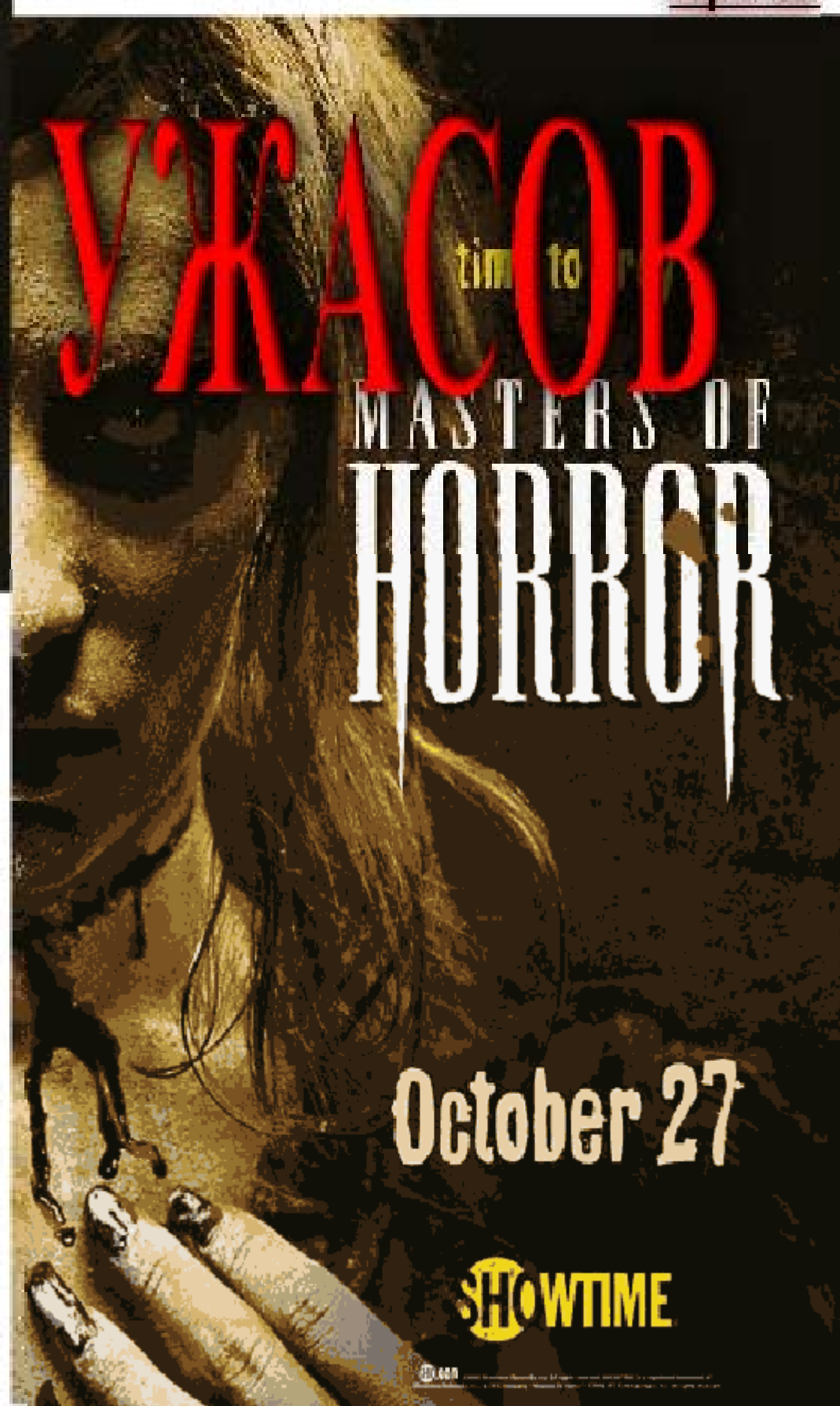
ПИТЕР СТРАУБ
ЮРИЙ БУРНОСОВ
БОРИС ЛЕВАНДОВСКИЙ

интервью

АЛЕКСАНДР ГАЛИНОВСКИЙ
АНДРЕЙ СЕННИКОВ

проза

МАСТЕРА УЖАСОВ



РЕЦЕНЗИИ

ПЕРЕВОДЫ

ПРОЗА

ПУБЛИЦИСТИКА

!!!КОМИКС!!!

www.ourdarkness.info

ежеквартальный журнал литературного объединения

Содержание

Рецензии ЛоТ

Книги

Саймон Беккет, “Химия смерти” -4

Сергей Арбенин, “Собачий бог” -4

Кино

“Мастера Ужасов”, 1ый сезон -5

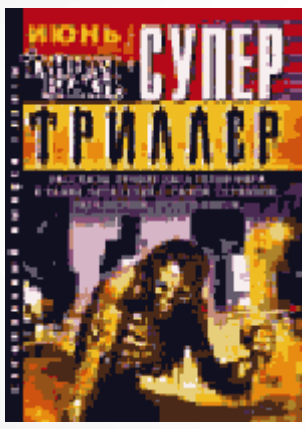
“Леденец” -7

ЭКСКЛЮЗИВ!

Алена ШВАРЦ (“Супертриллер”): *“Непознанное, загадочное, мистическое всегда будет интересно людям”* -3

Юрий БУРНОСОВ: *“Киберпанк писать легче, но мистику - интереснее!”* -8

Борис ЛЕВАНДОВСКИЙ: *“У нас могут быть свои мастера мистики и ужасов”* -19



Проза

Андрей СЕННИКОВ. *“Подъезд”* -10

Александр ГАЛИНОВСКИЙ. *“Люди с ножами вместо лиц”* -13

Публицистика

“ТАНЕЦ АРХИТЕКТУРЫ” интервью с **Питером СТРАУБОМ** -22

Питер СТРАУБ. Библиография -25

“Вампиры - с мифом по жизни” (из журнала Lost Souls) -26

“Создание Медиа Монстра” -27

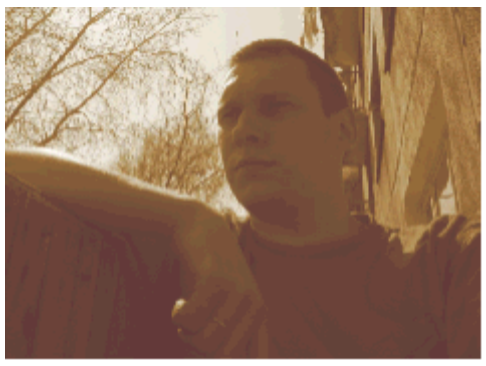
!КОМИКС УЖАСОВ! - 29

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Рассказ участника ЛоТ Максима Маскаля "Незаконченный эксперимент" опубликован в январском номере издания "Супертриллер" (специальное ежемесячное приложение к газете "Тайная Власть", тираж - 82 000 экз.). Поздравляем с первой полноценной жанровой публикацией! По этому поводу мы взяли у Максима блиц-интервью.

Напомним, что в "Супертриллере" в разное время также публиковались наряду с маститыми западными авторами (от Лакрафта и Уэллса до Кинга и МакКамона) авторы ЛоТ Парфенов М. С. и Александр Галиновский.

Интервью с редактором издания - в этом номере.



Максим, поздравляем с первой публикацией. Какие чувства сейчас испытываешь?

Спасибо. Мне очень радостно оттого, что сейчас кто-нибудь купит этот журнал, чтобы скоротать поездку в автобусе или поезде, и после прочтения моего рассказа, возможно, другими глазами посмотрит на окружающих его людей.

То, что ты участвуешь в ЛоТ - помогло ли это тебе опубликоваться?

Я купил "Супер Триллер" совершенно случайно и был уверн, что там публикуют лишь маститых авторов. Но именно коллеги по ЛоТ подсказали мне, что у новичков тоже есть шанс, а самое главное - дали контакты редактора. За это им огромное спасибо!

И наконец, третий, последний, вопрос:

Что дальше? Твои творческие планы вообще и в связи с деятельностью ЛоТ?

Первая литературная публикация дала мне хороший заряд позитивной энергии. Думаю, что следующий шагом будем издание полноценной книги. Это, конечно же, будет роман ужасов о встрече людей со злом. Древние духи проснулись и жаждут крови, а остановить их будет очень непросто. Работа над книгой активно ведется, и надеюсь, что скоро она найдет своих читателей.

И не сомневаюсь, что в этом мне также помогут друзья из ЛоТ. Вместе - мы сила, все сбудется!

Контактные данные редакции:
darklot@inbox.ru - общий почтовый ящик
Парфенов М. С. - misha_sochi@mail.ru, тел. 89184009229, номер icq - 205-760-113
Вангард А. - ani-avi@mail.ru
Морозова Ф. - artemisia@mail.ru
Женевский В. - pickman@mail.ru
Логвинов И. - barbarian72@mail.ru
Сенников А. - and2584@yandex.ru

В оформлении журнала ипользованы графические работы участников ЛоТ: Парфенова М. С., Маркевича Б., Жеведя И., Вангарда А., а также графические изображения других авторов, находящиеся в глобальной Сети Интернет в свободном доступе.

Полная или частичная перепечатка материалов журнала за исключением художественных работ и авторских текстов (рецензии, проза) возможна лишь с указанием первоисточника, т.е. - журнала “Тьма”.

Алена ШВАРЦ (“Супертриллер”): *“Непознанное, загадочное, мистическое всегда будет интересно людям”*

Алена, если можно, вкратце поведайте нашим читателям о том издании, которое представляете.

«Супертриллер» издается с 2003 года. Это сборник рассказов лучших писателей мира и наших читателей о самом страшном, загадочном, непознанном. В издании чередуются художественные рассказы, написанные в жанре мистики, триллера, фэнтези, детектива, и письма читателей о невероятных случаях, свидетелями или участниками которых они становились.

На фоне некоторого кризиса, связанного с понижением тиражей книжной продукции, отечественные периодические издания, кажется, процветают. Высокие тиражи делают газеты настоящими бестселлерами. Как думаете, с чем это связано? В чем причины успеха «Тайной Власти», в частности?

Я бы не сказала, что сейчас наблюдается понижение тиражей книжной продукции. Наоборот, книг сегодня издается очень много, и классиков, и современных авторов, как российских, так и зарубежных. С другой стороны, множество газет и журналов закрываются из-за своей нерентабельности, к тому же появилось немало однотипных неполитических изданий, которые пишут фактически об одном и том же, на одни и те же темы.

Что касается газеты «Тайная власть», которая издается с 1994 года, то она, действительно, быстро стала популярной и популярность не снижается по сей день – в силу того, что это издание заняло свою нишу на рынке периодической продукции. Дело в том, что газета первой начала раскрывать такие темы, в которые в доперестроечные времена просто не была посвящена основная масса населения. «Тайная власть» - это газета для тех, кто интересуется религией, мистикой, магией, фантастикой, нетрадиционной медициной… Основные ее темы: мировые религии, искусство магии, загадочные и непознанные явления, пророчества, народное целительство, история чудес и волшебства.

В советские времена обо всем этом никогда и нигде массово не говорилось. И вдруг появляется газета, которая начинает давать читателю полную информацию о «параллельном мире». Раскрывает взаимосвязь реальной и «потусторонней», «запредельной» жизни, знакомит с историей веков, дает человеку пищу для размышлений о судьбе и времени, учит правильно распоряжаться своей жизнью, обращаться с высшими силами и магией, не причиняя вреда окружающим и себе. Это оказалось интересно сотням тысяч людей в нашей стране.

А что касается «Супертриллера», то его популярность объясняется очень просто. Короткие рассказы формата «по дороге на работу» всегда найдут своего читателя. Далеко не у всех хватает терпения и времени в течение недели читать один роман, а здесь за двадцать-тридцать минут человек успевает прочитать рассказ от начала до конца. Тем более произведения, публикуемые в нашем издании, по большей части, написаны всемирно известными писателями, но рядовой читатель, как правило, не покупает сборники рассказов тех же Азимова, Кинга или Брэдбери. Более того, для многих читателей становится открытием то, что авторы, с чьими романами они давно знакомы, пишут еще и рассказы. Это вызывает к «Супертриллеру» дополнительный интерес.

«Супертриллер» отличается тем, что ежемесячно публикует 8 небольших рассказов в жанрах мистики, детектива, фантастики и ужасов, перемежая их отрывками из писем, присылаемых в редакцию «Тайной Власти» простыми читателями. Насколько условная правда (мистические истории из жизни) отличается от вымысла (литературных рассказов)?

Вы знаете, иной раз писатель придумает сюжет, и даже непонятно – как это у него хватило фантазии… А бывает, жизнь подкидывает такие случаи, что понимаешь – ни один фантастический рассказ не сравнится с тем, что произошло в реальности. Поэтому истории из жизни нельзя сравнивать с художественными произведениями. Здесь все очень индивидуально.

В «Супер Триллере» в основном печатается «проверенная временем классика», рассказы Кинга, Роальда Даля, Блоха, Брэдбери, Уэлса, Уэстлейка. Но иногда появляются и рассказы отечественных авторов. Чем обусловлена такая политика издания?

Мы всегда с удовольствием даем возможность начинающим авторам опубликоваться на страницах нашего издания. Другое дело, что хороших, интересных, с оригинальным сюжетом рассказов встречается не так много, поэтому, к сожалению, молодые российские авторы печатаются не слишком часто. Кстати, то же самое касается и зарубежных малоизвестных авторов. Их произведения у нас есть, но публикуются они не так часто, как рассказы классиков жанра. Ну и, конечно, ни для кого не секрет, что человек, предпочитающий мистику или фэнтези, с большим удовольствием прочитает неизвестный ему рассказ Эдгара По, Артура Кларка или Герберта Уэллса, нежели Иванова или Петрова.

Для потенциальных авторов «Супер Триллера» наверняка будет интересна конкретная информация: какие требования у вас есть к присылаемым произведениям, объем, тематика, прочие условия публикации.

Тематика произведений очень широкая – настолько, насколько хватит фантазии автора, пишущего в жанре мистики, триллера или фэнтези. Основное наше «требование», если можно так сказать, – чтобы рассказ был действительно интересным. Ну, а что касается прочих условий – пожалуйста, обращайтесь в редакцию, мы с удовольствием все расскажем.

Предпочтение отдается молодым неизвестным авторам, или же «Супертриллер» также заинтересован в сотрудничестве и с уже состоявшимися, маститыми писателями? Могут ли последние рассчитывать на более выгодные условия публикации?

Мы заинтересованы в том, чтобы публиковать интересные рассказы, которые понравятся не только нам, но и нашим читателям. Что касается условий публикации – они равны для всех.

Имея дело с молодыми русскоязычными авторами, можете ли Вы дать свою оценку их среднего уровня? Как насчет прогноза о будущем темного жанра в России и вообще СНГ?

В России всегда были хорошие писатели, они есть и сегодня. Но, к сожалению, нынче многие молодые авторы, заостряя внимание на сюжете, забывают о «технике исполнения», если можно так выразиться. Язык, стиль, композиция – все это нередко оставляет желать лучшего. И еще один момент: я очень советую начинающим авторам, прежде чем браться за описание какого-либо события или факта, имевшего место в действительности, сначала изучить его досконально, чтобы не сделать ошибки. Если вы адресуетесь к истории, изучите ту эпоху, которую собираетесь описать. Если вы затрагиваете научные явления – опять-таки, проштудируйте научную литературу по данному вопросу. Бывает, что читаешь рассказ или повесть и приходишь к выводу, что автор сам не понимает, о чем пишет. Это очень печально.

Добавлю к этому еще один совет: не старайтесь подражать классикам. Читатель, знающий классическую литературу, всегда сразу поймет, кому подражает молодой автор. Старайтесь обрести индивидуальность.

Но, повторюсь, общее впечатление о современной литературе у меня положительное.

А что касается «темного жанра» в России, то, на мой взгляд, он будет развиваться и дальше. Непознанное, загадочное, мистическое всегда будет интересно людям, и также всегда будут находиться те, кто сможет в своей фантазии выйти за грани обыденного.

Как вы относитесь к появлению в Восточной Европе литературного объединения «Тьма», популяризующего жанры вроде мистики, ужасов, триллера?

Я отношусь позитивно к любому творческому союзу. И думаю, что объединение «Тьма» собрало интеллигентных, творческих людей, которые будут способствовать развитию вышеназванных жанров и внесут большой вклад в эту область литературы.

Беседу вел Парфенов М. С.

Рецензии ЛоТ. Книги

мнение редакции может не совпадать с мнением рецензентов

Автор
Саймон Беккет
Название
Химия смерти
Перевод
И. Судакевич
Издательство
АСТ
Год
2006
Автор рецензии
Кугель

Химия смерти. Роман Саймона Беккета.

Спешу обрадовать, дорогой читатель, ты – мертв.

И умер ты не какой-нибудь там обыденной смертью: инфаркт догнал, или земля из-под ног ушла, да по голове ударила, нет… Конечно же, это был маньяк. Извращенный, как три Чарльза Мэнсона, восемь Тедов Банди и на треть как Джефри Дамер. Ну, или как пятнадцать Чикатило. Однако, скорее всего, тебе попался мясник пострашнее – что-то вроде одного японского солдата в Нанкине 37-ого.

И вот, дорогой читатель, твой раскромсанный, выпотрошенный и – естественно! – расчлененный труп валяется… Хм… Допустим, на свалке, ага? Или в лесу? На берегу моря? А – не важно! Природа, короче.

Интересно знать, что дальше?

Скорость трупного окоченения зависит от нескольких факторов: твоя комплекция, накачанность мышц и, разумеется, температура воздуха. Бактерии в кишечнике бешено размножаются, а желудок распирает от газов – индола, скатола, сероводорода и еще десятка не менее вонючих соединений. Та кровь, что не пролилась на землю, уже пропитала ткани. Скоро проявятся трупные пятна. Мясные мухи отложили яйца на глаза, рот и открытые раны. Через пару недель в раздутой смердящей квашне твоего тела выведутся личинки. Так как мышечный белок к тому моменту распадется, белесым червячкам будет сытно и тепло в своих колыбельках…

Это далеко не полный перечень того, как поработала над твоим телом, дорогой читатель, химия смерти. Доктор Дэвид Хантер, один из лучших судмедэкспертов Англии, странного в этом не увидит. Более того, он не хочет видеть ничего подобного уже несколько лет, и теперь работает помощником семейного доктора в провинциальном городишке.

Но! Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. И, как известно, объявляет ей джихад!

После нескольких лет передышки трупы таки настигли доктора Хантера.

Моложавая затворница, жившая на окраине Манхема, зверски убита, изуродована с выдумкой и брошена в лесу; детей, что нашли ее, чуть не отправляют в тот дом, где мягкие стены и вечно хочется спать; полиция привычно застряла в тупике – Дэвид, ваш выход!

И нехотя, нехотя, но доктор Хантер втягивается в расследование.

Раз труп, два труп… То ли еще будет!

Автор по-английски скрупулезно показывает банальное (для любителя триллеров!) дело о серийном маньяке с совершенно неожиданного ракурса. На моей памяти главным героем судмедэксперта пока не делал никто. А уж настолько подробные и достоверные детали работы «мастеров трупного тела» можно встретить только в учебниках.

Очень жаль, что сюжет не блещет оригинальностью, и «литературная паранойя» забьет в колокол задолго до финала: круг подозреваемых довольно узок, учитывая количество действующих лиц: виновника кровавых художеств вычислить можно простым путем исключения. Не для героев книги, разумеется.

Во всем остальном «Химия смерти» весьма приятное чтиво. Гладкий, ровный стиль повествования, сочные детали, оригинальный взгляд на обыденный сюжет – пусть это удовольствие на вечер невелико, но ведь это удовольствие, не так ли?

Автор:
Сергей Арбенин
Название:
Собачий бог
Издательство:
Корпорация “Сомбра”
Год:
2006
Автор рецензии:
Парфенов М. С.

Собачий сын. О романе Сергея Арбенина “Собачий бог”.

Роман Сергея Арбенина (в миру - Смирнова) хватает вас с самого начала бульдожьей хваткой и не отпускает до того самого момента, пока вы не перевернете последнюю страницу этой книги.

И это радует. Не так уж часто до последнего времени русскоязычные авторы радовали нас качественными мистическими триллерами – достижения Стивена Кинга многим не дают покоя, но вот на деле попытки «догнать и перегнать» чаще всего оборачивались графоманским топтанием на месте, калькированными трэшевыми сюжетами и – откровенной скукотищей. «Собачий бог» скучать не заставит.

В чем-то это даже удивительно – ведь оперирует-то автор вроде бы все теми же набившими у критиков оскомину материалами вроде древнеегипетской мифологии (модная у нас со времен “Звездных врат” тематика) и неприглядного совейско-россейского быта. Тот еще коктейль, скажу я вам! Допускает, кажется, все те же ошибки, концентрируя порой внимание читателя то на глупых политиках, то на пьяницах и бомжах, то пускаясь в ретроспективы. Мы уже давно привыкли, что все это – признаки слабого, дешевого чтива, привлекающего разве что обложкой. Ан нет! Арбенин пишет простым приятным языком, «вылазки в прошлое» весьма любопытны и интересны, а помянутый «россейкий быт» вполне себе уместен, ведь основное действие происходит не в 21-ом веке, а как раз таки в 90-ые годы 20-ого столетия. Многие диалоги чудесны, написаны с юмором, все персонажи – живы и лишены книжной искусственности. Автору удается не ударить читателя лицом в грязь и самому остаться чистеньким, т.к. страшные и мистические сцены именно страшны и мистичны и вовсе лишены излишеств даже при описании того, что в окололитературной среде принято называть «мозгами на стенах» (хотя лично я предпочитаю говорить “кровь и мясо”).

Недостаток романа в одном – в сюжете многовато мелких логических неувязок, особенно в конце. Но – он, этот нелогичный, поспешный ближе к финалу сюжет настолько захватывает, что на неувязки в его построении как-то не обращаешь особого внимания.

Дорогой читатель, искренне поздравляю и тебя и себя с тем, что у нас появился еще один хороший автор мистического жанра. И - триллеры ему удаются.

А о самой истории – ни слова, чтобы не портить впечатления тем, кто книгу еще не читал.

Рецензии ЛоТ. Кино

мнение редакции может не совпадать с мнением рецензентов

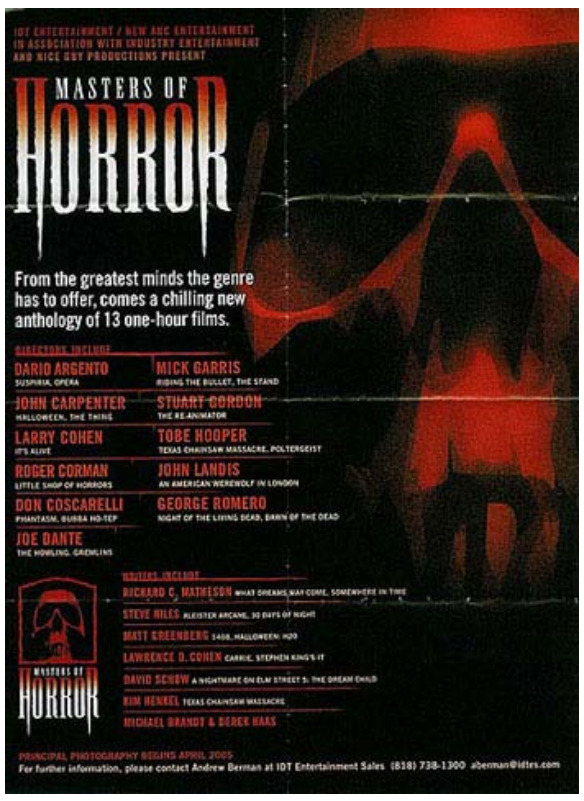
Мастера Ужаса. Первый сезон Masters of Horror. First Season

Режиссеры:
Стюарт Гордон, Тоб Хупер, Дарио Арджeнто, Мик Гаррис, Джо Данте, Джон Карпентер, Ларри Коэн, Такеши Мишке и др.

Актеры:
Роберт Инглунд, Билли Драго, Майкл Мориарти, Лори Петти и др.

Год:
2006

Автор рецензии:
Парфенов М. С.



Мик Гаррис – режиссер весьма сомнительного дарования. В том смысле, что еще ни один его фильм не вызвал бурных восторгов даже у самых оголтелых фанатов темного жанра. Хотя, если призадуматься, список постановок-то впечатляющий: «Лунатики» по сценарию Стивена Кинга, телефильмы «Сияние», «Противостояние» и «Безнадега» по романам того же популярнейшего автора. Гарриса прочили и в режиссерское кресло «Бури столетия». Однако как раз в это время Мик начал заниматься проектом «Мастера Ужасов». Что ж, обстоятельства сложились более чем удачно. Снятая в итоге Крейгом Баксли «Буря» была признана одним из лучших мини-сериалов по Кингу, а амбициозный проект Гарриса оказался настолько удачным, что компания Showtime, его финансировавшая, не пожалела денег и на второй 13-серийный сезон.

Возможно, секрет успеха «Мастеров» кроется как раз в том, что сам Гаррис как режиссер снял лишь один из тринадцати фильмов (к слову сказать, самый слабый из всех). Зато сумел собрать действительно классную команду. Собственно, ему это было делать не в первой: еще в «Лунатиках» засветились в небольших ролях-камео Джо Данте, Тоб Хупер и другие.

Идея «Мастеров» оказалась, как и все гениальное, проста. Каждому из приглашенных режиссеров был предоставлен более чем серьезный по телевизионным меркам (а точнее по меркам кабельных телесетей) бюджет в несколько миллионов долларов и – полный карт-бланш. Как говорится, что хотите, то воротите. И мастера наворотили… То, что у них получилось в итоге, больше всего напоминает антологию жанра: тут есть и по-настоящему пугающие вещи, и те, что вызывают улыбку (в духе скалящегося скелета «Баек из Склепа»), и попросту шокирующие фильмы.

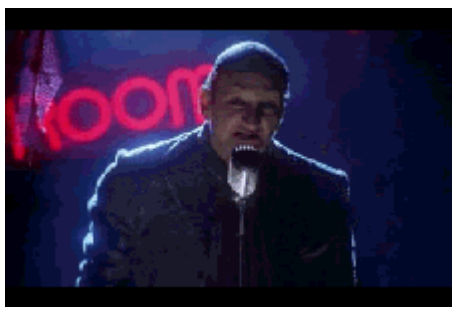
Полный список – далее.

Происшествие на горной дороге

Здесь поработали Мими Ледер и Дон Коскарелли («Фантазм»). История о молодой женщине, преследуемой монстром по кличке Луноликий. Внешне чудище больше всего напоминает Кожаное Лицо из «Техасской резни бензопилой», а вот повадками смахивает на Джиперс Криперса (тоже большой любитель выкалывать глаза своим жертвам). Казалось бы, в такого рода фильмах (так называемых «слэшерах») уже невозможно сказать что-то новое, сюжетная канва в них традиционно уступает место набору клише и сценам убийств и мучений. Однако Ледер и Коскарелли удается нас с вами удивить, а местами даже повеселить.

Сны в доме ведьм

Стюарт Гордон, как и Брайан Юзна, приобрел репутацию экранизациями произведений Лавкрафта («Реаниматор», «Извне», «Дагон»). «Сны в доме ведьм» - фильм из той же серии. У любителей Гордона и Юзны он способен вызвать приступ сильнейшей ностальгии: режиссерский стиль, выработанный еще в 80-х, остался неизменным. Ценителям Лавкрфата «Сны», думается, также придутся по вкусу: серьезный, атмосферный хоррор с кровавыми сценами и элементами обнаженки.



Танец мертвых

Тоб Хупер, создатель «Техасской резни», «Полтергейста», «Давилки» и еще ряда неоднозначных «киношедевров» (кому нравятся, кого-то от них тошнит) перенес на экран рассказ Ричарда Матесона, а в одной из ролей снял Роберта «Фредди Крюгера» Инглунда. Инглунд хорош, он напоминает самого себя в недавнем фильме «2001 маньяк» - этакий обезумевший Валдис Пельш, превративший «Угадай мелодию» в кровавое шоу апокалиптического будущего с участием танцующих трупов. Впечатляют отдельные сцены. Однако в целом фильм довольно невнятен, а финал неприятно удивляет своей банальностью: что – и ради этого надо было сыр-бор городить?

Дженнифер

Тяжелая артиллерия в лице Дарио Арджeнто, культового итальянского режиссера, некоронованного короля поджанра «джалло», выступила так, что не стыдно, в отличие от того же Хупера или Гарриса (о режиссерском провале которого – ниже).

Снятая Арджeнто история – настоящий, недетский хоррор. По-европейски жесткий, и по-европейски же извращенный фильм. Осторожно! Здесь убивают детей, пожирают их кишки и занимаются любовью с отвратительными уродами…

Шоколад

Фильм, снятый Гаррисом, плох прежде всего потому, что скушен. И во многом нелеп. Учитывая, что Мик экранизировал собственный рассказ, мы можем сделать сразу два неутешительных для него вывода: и режиссер, и писатель из него посредственный. «Шоколад» - это история мужчины, который, под воздействием диеты (!), каких-то веществ, используемых в лаборатории по созданию, эээ, вкусов для шоколадных сладостей (!!) и в результате депрессии, вызванной расставанием с женой (???) вдруг начинает видеть мир глазами совершенно незнакомой ему женщины. Поступки героя лишены всякой логики, в наличии ряд явно лишних персонажей и эпизодов. Юмор и самоирония режиссера-сценариста не распространяются дальше плохо скрытой (в духе «Ночного Дозора») рекламы книги и фильма «Безнадега» и сцены, когда герой-мужчина принимает в себя всю гамму чувств, испытываемых таинственной незнакомкой во время секса с ее азиатским любовником. При всем при этом фильм временами до идиотизма серьезен. И лишен всякой смелости в изображении “пугающих” сцен.

Возвращение домой

К жанру ужасов Джо Данте, снявший эту серию, имеет отношение в куда меньшей степени, чем Арджeнто или Хупер. На его счету, правда, «Гремлины», фильм не столько

страшный, сколько комичный. Вполне себе смешным получилось и «Возвращение домой». По сути это политическая сатира с антимилитаристским уклоном. Погибшие на войне американские солдаты возвращаются на родину, чтобы повлиять на ход предвыборной компании. Естественно, голосуют они против президента, развязавшего войну. Однако люди у власти решают подтасовать результаты голосования в свою пользу…

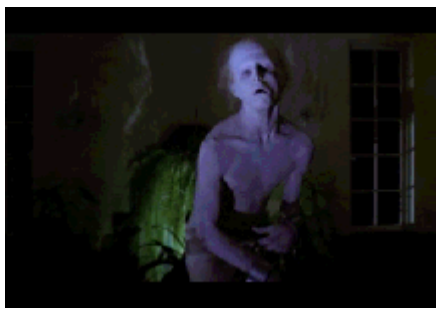
«Возвращение домой» снято в лучших традициях классической кинотрилогии Ромеро. История о зомби содержит массу социальных аллюзий, в том числе и весьма смелых – «зомби-электорат», зомбирование людей с экранов телевидения, «мертвые души» - все это мы знаем, увы, не хуже американцев. Может быть поэтому фильм оставляет благоприятное впечатление. К тому же у его создателей и правда отменное чувство юмора.

Странная девушка

…и довольно странный фильм. Лакки МакКи, человек вроде бы ничем выдающимся до сих пор в кино не отметившийся, снял причудливую черную комедию, в которой ненавязчиво сравнивает (и «сращивает», хе-хе) лесбиянок и насекомых. Местами смешно, местами отвратительно, но в целом, если не относится к этому фильму серьезно (а он явно такого отношения и сам не желает), получилось довольно неплохо.

Женщина-Олень

С юмором снял свой фильм и Джон Лэндис, чего от него, как от создателя «Американского оборотня в Лондоне», и стоило ожидать. В качестве первоосновы для фильма послужила индейская мифология. Полицейский расследует убийства мужчин, которых словно забили копытами насмерть. Перед этим их всех видели в компании с прекрасной индейской женщиной. Характеры персонажей выглядят несколько гипертрофированными, а сюжет, увы, в общем и целом предсказуем. Впрочем, один раз эту историю вполне можно посмотреть. Тем более, что женщина-олень и вправду очень красива...



Сигаретный ожог

По мнению многих – лучшая серия первого сезона. И одновременно – лучший фильм Джона Карпентера. Мнение, разумеется, спорное. В конце концов на счету Джона масса культовых, классических уже лент: «Хэллоуин», «Нападение на 13-ый полицейский участок», «Нечто», «Кристина», «Туман», «Побег из Нью-Йорка», «Воспоминания человека-невидимки», «Они живы!», «В пасти безумия», «Вампиры»… В тоже время есть у мэтра и откровенные неудачи вроде «Князя Тьмы» или «Призраков Марса».

Однако к неудачам никак нельзя отнести «Сигаретный ожог» - фильм, который трудно назвать телевизионным, так как постоянно тянет сказать о нем – Кинополотно. Именно так, с большой буквы. Сюжет этого маленького шедевра пестрит отсылками, понятными киноманам. Тут упоминается Ардженто, с восторгом говорится о вполне реальных фильмах, снятых на заре кинематографа, а с плакатов ухмыляются допотопные киномонстры вроде Бориса Карлоффа. «Сигаретный ожог» жестокое, весьма жестокое кино, есть в нем сцены по-настоящему шокирующие. Но главным образом фильм пугает своей атмосферой, в которую проваливается зритель, поневоле включаясь в ту игру «кошки-мышки», которую режиссер с ним затеял.

Длинноволосое дитя

Антология темного жанра в кино, каковой нам представляется первый сезон «Мастеров», была бы неполной без подросткового «ужастика» - и его снял Уильям Мэллоун. Снял, надо сказать, удачно – не нарушая ни одного из неписанных законов жанра, создатели этой серии ухитрились рассказать нам с вами историю с массой неожиданных сюжетных поворотов. Она начинается как фильм о маньяке, продолжается как мистический триллер, переходит в кровавые ужасы, а заканчивается финалом в духе «Баек из склепа». Местами фильм действительно страшен, и молодежь, думается, вполне может выразить свое отношение к режиссеру одним словом: “респект” или, допустим, “рулит”.

Подвезите

Ларри Коэн снял отличную, исполненную черного юмора историю о маньяках, орудующих на дороге. Один из них – «попутчик», путешествующий по стране автостопом, развлекается тем, что мучает и убивает тех, кто его посадит к себе в машину. Другой - вы уже догадались - водитель, ищущий свои жертвы среди хитчхайкеров. Крови в этом кино мало, зато есть чудесные диалоги, каждую вторую реплику которых можно растаскивать на цитаты. Нельзя не отметить и отличную актерскую игру – Майкл Мориарти и компания исполнили свои роли на пять с плюсом.

История Хэккеля

Как и большинство других серий, эта снята по мотивам рассказа, в данном случае – отменной истории, написанной Клайвом Баркером. Джон Макнафтон, которому помогал Джордж Ромеро, выступил дотойгым экранизатором (да-да, это снова камень в огород Мика Гарриса), созданный им фильм вполне передает стиль и дух произведений Баркера – много крови, много смерти, толика черного юмора, все это приправлено прямыми отсылками к кино и литературной классике вроде «Франкенштейна». Коктейль получился изысканный, и любители должны оценить его вкус по достоинству.

Отпечаток

«Специально приглашенный гость» японец Такеши Миике, создатель переполненных чисто азиатской жестокостью фильмов, снял безусловно самую страшную и отвратительную вещь из всей обозреваемой чертовой дюжины. Своеобразный «забег по отвратительности» Миике выигрывает, что называется за явным преимуществом, несмотря на, казалось бы, серьезную конкуренцию со стороны европейца Ардженто и американца Карпентера. У первого женатый мужчина вступал в противоестественную связь с девушкой-каннибалом, второй может похвастаться сценами расчленения и самоистязания. Но все это не идет ни в какое сравнение с изощренными пытками и поеданием человеческих эмбрионов, наличествующими в “Отпечатке”. В тоже время Миике удалось снять и один из самых философски глубоких фильмов цикла. Имеются откровенные аллюзии с Куросавой... На общем фоне «Мастеров ужасов» «Отпечаток» смотрится именно так, как и должен – азиатское кино «не для всех».

На этом все. Хотя, памятуя о традициях жанра (ну знаете, вроде неписанного закона “зло никогда не умрет”) и о том, что уже отснят второй сезон сериала, лучше будет сказать – «продолжение следует…»

Название в оригинале:
Hard Candy

Режиссер:
Дэвид Слэйд

Автор сценария:
Брайан Нельсон.

В ролях:
Патрик Уилсон, Эллен Пейдж

Год:
2006

Сайт фильма:
www.hardcandymovie.com

Автор рецензии:
Владислав Сульдин

Леденец

Есть фильмы, где вся соль в сюжете, и, скажи о нем хоть несколько слов, исчезает нужда в просмотре.

Как тут поступать рецензенту? Уподобиться Сфинксу, говорить загадками и намеками? Или, прогуливаясь на грани фола, описать только завязку? Право же, трудный выбор…

Если вы считаете иначе, то посмотрите «Леденец» и попытайтесь сами писать критику.

А пока, перед тем как прибегнуть ко второму варианту, я дам небольшую историческую справку: в 2005-ом году на кинофестивале в Ситхесе, специализирующемся на фильмах ужасов, этот великолепный триллер победил в номинациях «Лучший сценарий» и «Лучший фильм».

Состоявшийся фотограф знакомится по Интернету с четырнадцатилетней нимфеткой, жаждущей встречи отнюдь не со сверстник
«отвертку» в особняке взросло
полуголых моделей, непрестанно
такой Лолиты! Вот только что-то
состоятельный педофил будучи
быстро растерявшей всякую жема

На этом я прекращаю дозволен

В этом театре всего двух актер
– верю, черт побери, верю!!! Пр
буквально за стеной, по спине таб
ложки уксуса не обошлось: Патри
не хватает экспрессии, эмоций. Х

Как бы то ни было, фильм
выстраиваются и осыпаются одна

А напоследок я позволю себе т

Девушки, милые, те, кто это читает! Прошу вас, если психоз какой подбирается, мания в голову стучится, не скромничайте, не держите в себе, бегите сразу к доктору! И вам легче станет, и мы, мужики, целее будем!

Педофилы и прочие извращенцы, буде такие попадутся, - кидайте дурное. Пока еще живы, лучше тоже возьмите талончик к психиатру. Иначе встретится такая вот конфетка…

Мужчины, я обращаюсь к вам, Берегите себя. Будьте верны генеральному курсу межполовых отношений. Тому, что в Уголовном Кодексе высечен. Никогда не пейте то, что сами себе не налили.

Нас и так мало...

В ближайших номерах “Тьмы” -

большая статья о культовом кино ужасов.

Поджанр “джалло” - итальянские фильмы о маньяках.

Арджeнто, Бава и Ко!

Юрий БУРНОСОВ: *“Киберпанк писать легче, но мистику – интереснее!”*

Молодой, но вполне состоявшийся популярный российский писатель Юрий Николаевич Бурносов, известный так же, как Джабба и S писателя Виктора Бурцева, автор таких бестселлеров, как «Охота на НЛО», «Числа и знаки» и «Зеркало Иблиса», любезно дал согласие на эксклюзивное интервью для Литературного объединения «Тьма».

Юрий Николаевич, Вы начинали карьеру писателя в популярном нынче жанре «киберпанка» в соавторстве с Виктором Косенковым, под общим псевдонимом Виктор Бурцев. Однако Ваши сольные работы, в частности «Числа и знаки» или последняя книга «Чудовищ нет» - это мистические произведения чистейшей воды. Расскажите, почему Вы решили отойти от востребованного «киберпанка» и писать в менее популярном (пока) у нас жанре мистики? Что Вас на это подтолкнуло? Или кто подтолкнул?

Строго говоря, киберпанк мы написали скорее случайно, нежели целенаправленно. Я в то время не читал ни Гибсона, ни Стерлинга (да я их и по сей день почти не читал), даже «Сердца и моторы» Вохи **(Владимира Васильева – прим. ЛоТ)** не читал, и киберпанковские вещи Лукьяненко тоже. Это скорее был такой футуристический боевик, а получилось, что киберпанк, притом востребованный и высоко оцененный. Ну, мы спорить и не стали.

Помимо киберпанка, Виктор Бурцев писал и пишет криптоисторию – «Зеркало Иблиса», «Пленных не брать»... Наверное, из этих последних бурцевских вещей в чем-то проистекли и мои сольные вещи. Сейчас, кстати, я пишу роман-фэнтези в соавторстве с Михаилом Кликиным, а сам по себе - вообще нечто странное, не знаю даже, форматное ли.

Вам не понравился опыт работы в паре с Косенковым, или были другие причины «расставания»? Появятся ли еще книги под авторством Виктора Бурцева?

Проект действует и сейчас, после прошлогоднего романа «Пленных не брать», за который Бурцев получил, кстати, на Бастконе премию «Баст», мы пишем новую вещь – «Не плачь по мне, Аргентина», связанную как с «Пленными», так и с «Зеркалом Иблиса». Думаю, проект закрыт и после нее не будет.

Все, так или иначе состоявшиеся авторы на вопрос молодых и талантливых «о чем писать?» отвечают, что пиши, дескать, о том, что сам хорошо знаешь. Каким образом этот постулат может быть связан с творчеством авторов «темного» направления в литературе? Чем же таким должен увлекаться автор мистических триллеров или хоррора, чтобы правдоподобно описывать убийства, смерти и прочие кровавые безобразия?

Теоретически автор должен быть серийным убийцей, сатанистом и некрофилом, но вот Стивен Кинг, например, хороший семьянин, добрый дяденька и т.п. Правда, он в свое время изрядно пил и принимал наркотики... С другой стороны, слова «что сам хорошо знаешь», можно понимать широко. К примеру, главным героем можно сделать журналиста или врача, если вы журналист или врач, а там уже пускай он ловит вампира или ищет Грааль, исходя из своих профессиональных фишек. У того же Кинга главный герой часто писатель и есть.

Ну и теоретическая база, наверное, должна быть. Нельзя написать хороший роман о вампирах, посмотрев только «Дракулу» Копполы.

Как Вы вообще относитесь к тем, кого в писательско-издательской среде называют МТА (молодой талантливый автор)?

Имея в друзьях множество издателей, я порой читаю вещи так называемых МТА, которые не проходят в печать. Страшно, страшно было бы, пройди они редакторские препоны. Но и то, что выходит, порой ужасно. Но дело, наверное, не в МТА - я могу с ходу назвать авторов, имеющих по пять книг, но пишущих все на том же уровне пресловутых МТА. И вот на этом фоне человек, прочитав очередной никудышный роман, думает: а я чем хуже? И пишет нечто подобное. Отсюда и плодятся МТА, среди которых, конечно же, есть определенный процент потенциально хороших авторов. Но мне лично кажется, что потенциально хорошие в большинстве своем отсеиваются, а вот графоманы частенько пролезают.

Среди моих друзей довольно много МТА, я стараюсь им по мере сил помогать, если это того стоит.

Для предания достоверности Вашим повествованиям используете ли Вы в своих работах реально существующие места, людей, события? Или все «высасываете из пальца»?

Иногда использую. Например, в романе Бурцева «Охота на НЛО» (авторское название было «Очередь за солнцем», но Армада почему-то поменяла его на идиотское) масса персонажей - мои земляки, друзья, то же касается привязки к местности. В романе «Чудовищ нет» тоже полным-полно черт Брянска и Севска, городка, в котором я родился.

Что касается событий, то «военные» бурцевские романы на 90 процентов основаны на реальных событиях. В том и хитрость. Да и те же «Чудовища» в их «народовольческой» части – сплошная реальность.

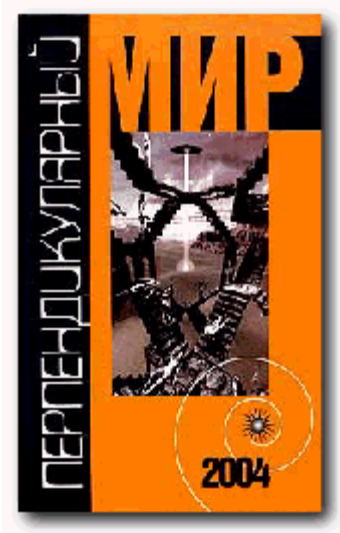
Вопрос коммерческого характера: многие начинающие авторы интересуются, можно ли писателю прожить лишь на гонорары от своих книг? Оные лишь приятное дополнение к славе, успеху, узнаваемости? Или же реальное средство к существованию?

Нет, прожить точно нельзя. Для этого надо стать тиражным, популярным, продаваемым. Конечно, тут еще и от запросов зависит - можно писать по плохому роману в месяц и с голоду уж точно не пропасть, но надо ли?

Как Вы относитесь к теперешнему засилью «ширпотребовского» фэнтези и шаблонно-картонной боевой фантастики? Что читаете сами, что можете посоветовать из прочитанного?

Я читаю сейчас преимущественно переводную литературу, хотя качество перевода порой весьма и весьма

низкое. Но даже оно не может испортить заведомо хорошие тексты. Из последнего прочитанного отмечу Геймана, Чайну Мьевиля, Норфолка... Что до русских авторов, то я в растерянности: иногда полчаса можно пролазить по стеллажам в книжном и ничего не купить. Вроде бы и фамилии знакомые, и люди хорошие, но... Могу сказать, что приятно меня удивил «Черновиком» Сергей Лукьяненко. Кирилл Бенедиктов с «Асгардом» и «Шутом». Миша Тырин давно не издавался, но чего-то пишет, жду с нетерпением. От Дивова хочется чего-то уровня «Лучшего экипажа Солнечной»... А в целом из прочитанного «нашего» за последние несколько лет для меня наиболее сильный текст – «На будущий год в Москве» Рыбакова. Может, кого-то забыл, но в целом, да - боевые роботы, мечи и магия, Алекс Орлов... беда, в общем. Зато и деньги целее.



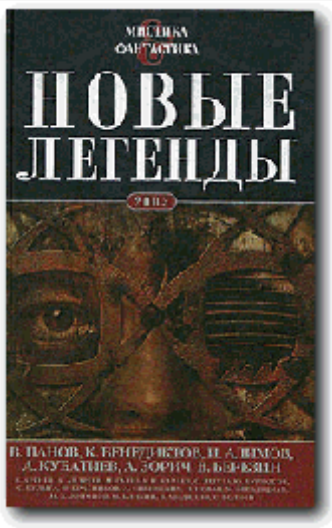
Пробовали ли Вы сами писать в вышеизложенных жанрах? Как впечатление? И возвращаясь к жанру «киберпанка» и мистического триллера вопрос, - в каком жанре Вам работается легче всего? Интереснее?

Легче - киберпанк. Интереснее – мистический триллер, несомненно.

Что касается «вышеизложенных жанров», то я пока не пробовал серьезно этим заниматься, хотя ради быстрого заработка – вполне смог бы, наверное. Под псевдонимом, разумеется. Про каких-нибудь космических пиратов или отважного эльфа-воителя.

Насколько важную роль в Вашей жизни, творчестве играет «Всемирная Паутина»? Насколько крепко Вы попали в ее сети? Имеется ли у Вас персональный сайт?

Сайта как такового у меня нет, есть страничка на сайте Клуба Харизматических Писателей (http://harizma.pvost.org/pages/jabba/index.html). Ну и в ЖЖ, конечно (http://fat_nigga.livejournal.com/). Я, признаться, ленив, компьютер освоил на уровне "полазить в сети, написать текст и поиграть в игрушки". Дома у меня интернета пока нет, потому я, наверное, не сильно пострадал пока от этой заразы. Но как справочная база интернет, конечно, силен... да и как средство общения.



Какую роль играет Интернет и сетература в частности в современном литературном процессе, на Ваш взгляд?

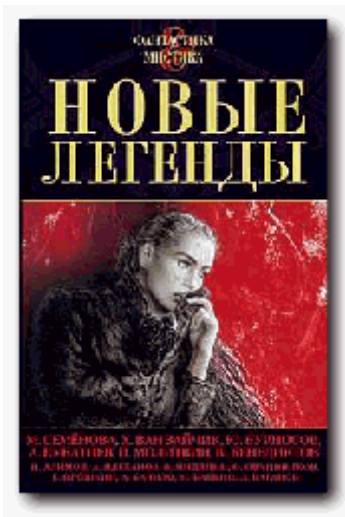
Скорее вредит. Тот момент, когда сетевые конкурсы и прочие полезные вещи действительно работали НА литературу, уже в прошлом. Если люди всерьез считают за публикации тексты, вывешенные в интернете (а я с таким несколько раз сталкивался) – о чем еще говорить?

Заговорив об интернете и его многочисленных ресурсах, не могу не спросить - нужны ли, по Вашему мнению, такие проекты, как ЛоТ (Литературное объединение «Тьма»)? Ваше отношение к тому, что на просторах бывшего СССР, да и Восточной Европы в целом, появилось такое объединение?

Литературные объединения тем хороши, что они, во-первых, собирают как минимум целенаправленных людей, что уже хорошо. Во-вторых, объединения эти зачастую склонны ссориться и враждовать между собой, а это - одна из вещей, формирующих литературный процесс... Конкретно ЛоТ, я думаю, попросту заняло нишу, потому что в России подобные вещи издаются мало, и, надеюсь, вместе пробиться будет легче.

Ваша книга «Чудовищ нет» вышла из стен издательства совсем недавно. Что Вы можете о ней сказать? Насколько легко или тяжело проходил процесс ее написания, издания? В чем ее отличие от других Ваших произведений?

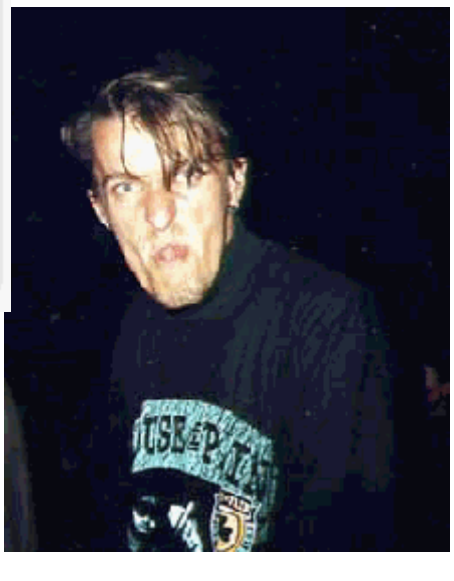
«Чудовищ» я писал очень долго, по самым разным причинам. Пожалуй, дольше всех остальных своих книг. Очень многое переделывал, причем принципиально, выкидывал большие фрагменты... Что получилось – говорить пока сложно, надеюсь, что роман как минимум не пройдет незамеченным... А вообще я как-то быстро остываю к своим вещам - сдал, вышло, ну и ладно. Надо делать что-то новое. Слежу, конечно, что говорят, что пишут, но не более того.



Расскажите, пожалуйста, о работе над сборниками «Новые Легенды». Какое отношение этот проект имеет к мистике и хоррору? Что представляют собой те самые «харизматичные писатели»?

Да тут, наверное, все должно быть понятно из названия. Сборник объединяет вещи очень широкой направленности, многие из которых мистическими можно назвать лишь условно. Это скорее современная неординарная городская проза с общим мистико-философским уклоном. Рассказы для сборников подбирает небезызвестная Маша Звездецкая, великая и ужасная. Попасть туда трудно, сразу скажу, и при этом не играет роли, насколько автор покупаем, мастит, прославлен и т.п. Главное – качество, туда и с дебютным рассказом можно попасть.

А харизматические писатели – литературное объединение, если его можно так назвать, созданное уже очень давно. Собственно харизматических писателя два – я и Игорь Алимов. В деятельности клуба активно участвуют также Алан Кубатиев, Владимир Березин, Кирилл Бенедиктов, Василий Мидянин, Игорь Пронин, Михаил Бабкин, Никита Красников, Александр Бачило, Олег Овчинников, Андрей Плеханов, Евгений Прошкин... Проводятся даже так называемые «Тиньконы». В общем, хорошие люди собрались вместе, вот как это лучше всего можно охарактеризовать. А оказалось, что они еще притом и писатели.



Ну и конечно, Вашим читателям интересно было бы узнать о Ваших творческих планах…

Как я уже сказал, это два романа в соавторстве – «Не плачь по мне, Аргентина» с Виктором Косенковым и роман-фэнтези с Михаилом Кликиным (рабочее название – «Приятель троллей»). Сам я начал сразу несколько вещей, все они в той стадии, когда бросать уже жалко, а дописывать еще много, так что нужно будет определиться.

Спасибо за беседу!

Пожалуйста!

Беседу вел Игорь Логвинов.

Андрей СЕННИКОВ.
ПОДЪЕЗД

Обычный день закончился самым обычным вечером: сырым, слякотным и промозглым, как это часто бывает поздней осенью. Когда в глянцево-черных лужах плавают комки снега; когда машины шипят шинами особенно громко, брызгая на тротуары ледяным крошевом; когда усталость, накопившаяся за день, притупляет чувства; когда трамвайная сутолока кажется благом после стылого ветра на остановке; когда мысли о чашке горячего чая кажутся особенно приятными... Словом это был самый обычный вечер, в который любому человеку хочется побыстрей оказаться дома и кажется, что сил на последний утомительный рывок уже не осталось.

Иллюстрация:
Борис Маркевич

Рывок через зону отчуждения.

Через полоску нейтральной полосы.

По лестничным пролётам.

Через подъезд.

Бадейкин приближается к своему дому походкой бойца антитерростического отряда. Выглядит он при этом, в своём пальто мятой кепочке и с портфелем под мышкой, до крайности нелепо. Близорукие глаза Семёна Сергеевича за стёклами стареньких очков суетливо обшаривают пространство двора изучая обстановку и подходы. Правая рука опущена в карман: пальцы ласкающими движениями касаются миниатюрного фонарика с мощной галогенной лампочкой. В портфеле, помимо бланков квартального отчёта есть ещё и газовый баллончик, но Семён Сергеевич справедливо рассуждает, что толку от него в замкнутом пространстве подъезда будет немного. Это скорее психологическая поддержка, чем реальное средство обороны. Вот в следующем месяце будет премия и может получится сообразить на приличный "шокер"...

Быстрым шагом Бадейкин пересекает двор. Листья с деревьев уже облетели, обзор прекрасный, но ничего утешительного разглядеть не удаётся. Фонарь над подъездом не горит с загадочным постоянством; ряд окон над козырьком тёмен и слеп - только на шестом этаже видны бледные отблески. Впрочем, нет, показалось. Бадейкину на два этажа выше: квартира 125.

На секунду Семён Сергеевич отвлекается на отнюдь не праздные мысли о том, стоит ли задерживаться у лифта, шарить по стене лучом фонарика в поисках сожжённой кнопки, теряя драгоценные секунды на ожидание (шансы, что лифт работает и кабина находится на первом этаже кажутся сейчас более чем мизерными). Подставляться в одном из самых опасных мест - спиной к короткому лестничному пролёту, пять ступенек вниз, в нишу чёрного хода, - не хочется. Наконец Бадейкин выходит на исходную - короткий тротуар, ведущий к крыльцу, с лавочкой - сегодня пустой, - и заплёванной урной. Задерживаться здесь не стоит. Пошёл последний отсчёт...

...При счёте "шесть" Семён Сергеевич замирает.

Тревожное ощущение какой-то неправильности проникает, вдруг, в самое сердце припозднившегося к сытному ужину и горячему чаю бухгалтера. Волосы на затылке Бадейкина встают дыбом, а гениталии съёживаются.

Что-то...

Как-то...

Подъезд...

Тёмный провал в стене, словно огромный распяленный рот в трепетном жадном ожидании, с вывалившимся бетонным языком крыльца и ступеней - потрескавшимся, ищущим...

Дыхание его смрадно и кисло-сладко, прогоркло и дымно, как теплый ветер омывающий кучи гниющих отбросов...

...Его внутренности в язвах и струпьях, залиты чернильной темнотой и истерзаны болезнетворными микробами, бессмысленно уничтожающими всё, что повстречается на их пути...

...Ветер хлопает створкой подъездной двери.

Семён Сергеевич вздрагивает. Холодный пот тоненькой струйкой стекает вдоль позвоночника. Он всё ещё стоит перед подъездом в странном оцепенении, не в силах пошевелиться.

Очень тихо...

До неприятности.

Тишина в "полосе отчуждения" всегда обманчива. В любой момент она может взорваться пьяными нечленораздельными воплями, обкуренным хихиканьем, злобным лаем, тошнотворным мявом или тихим шорохом сильных целеустремлённых шагов. Темнота может сгуститься до плотности стали, вонзающейся под рёбра или руки зажимающей рот.

Бадейкин нервно оборачивается: он вдруг припоминает, что забыл "провериться" - не идёт ли кто за ним. Двор пуст, но ноги Семёна Сергеевича предательски слабеют и он тяжело опускается на скамейку, вполоборота к этому... Чему?... Бадейкин нервно хихикает. Смех выходит натужным и странным: единственный явственный звук в пустом дворе. Ветер уносит его вверх к освещённым окнам квартир - маякам уюта и спокойствия. Дом возвышается над маленькой фигуркой человека застывшего на скамейке, нависает над ней всеми девятью этажами урбанизированной "пизанской башни".

Становится холоднее.

"Сидеть здесь просто глупо", - бодро говорит себе Семён Сергеевич. - "Так и простудиться недолго".

"И потом, у меня отчёт..." - вспоминает он об ожидающей в портфеле работе.

Мысли Бадейкина возвращаются в привычное, умиротворяющее русло; пульс становится ровнее, как и дыхание. Он поднимается на ноги, косясь на подъезд - всё в порядке: переутомился немного. Ничего. Горячий чай, сладкий и душистый, теплые тапочки. Жена спросит: "Отчего ты задержался?" - "Много работы", - лаконично ответит он и поцелует её в мягкую, вкусно пахнущую щёку. Они поужинают, потом короткий отдых и за дело: одно место в отчёте ему не очень нравится - что-то там, похоже напутано.

Семён Сергеевич, твёрдо ступая, входит в подъезд. Фонарик в его бестрепетной руке освещает ступени - знакомые и незнакомые одновременно. Через пару шагов Бадейкин осознает, что на ступенях заделаны выбоины, на которых он вечно оступался. Луч скользит выше: стены всё те же, в разводах казённого колера, но свежего и нетронутого похабщиной, даже царапины аккуратно затёрты. Так, теперь поворот. Ниша чёрного хода приятно чиста, а вечно сопутствующее ей зловонное пятно начисто отсутствует.

"Ну, наконец-то", - радостно думает Семён Сергеевич в адрес местного РЭУ, - "Соизволили-таки заняться порядком".

Вопреки принятому решению, он задерживается у лифта и давит на кнопку. Новенькую и девственно чистую. Лампочка внутри послушно загорается. Наверху слышится подвывающее урчание исправно работающего лифта. Тихая радость накатывает на Семёна Сергеевича: человеку так мало нужно... Так немного, что этого зачастую оказывается недостаточно...

"Могли бы и свет сделать", - сварливо отмечает Бадейкин. - "Всё у них - наполовину"...

Вот в шахте лифта свет есть. Тоненькая полоска пробивается меж дверных створок, расчерчивая фигуру Семёна Сергеевича надвое. Несколько секунд спустя, невидимый ластик стирает золотистую линию плавным движением сверху вниз: кабина лифта останавливается на первом этаже.

Бадейкин машинально гасит фонарик - энергия тоненьких пальчиковых батареек расходуется очень быстро: надо бы поберечь, - за мгновение до того как двери лифта с лязгом расступаются перед ним и волны удушающей вони палёного мяса захлёстывают с головой.

У Семёна Сергеевича запирает дыхание, резко и как-то всё сразу, словно некто, огромной кувалдой, ударил ему под вздох со всего маху. Глаза Бадейкина вылезают из орбит, рот широко открывается...

Кабина лифта не пуста.

Она привезла подростка в "дутом" пуховичке, аккуратненьких джинсах и новомодных высоких ботинках на шнурках. Волосы мальчика топорщит эта нелепая... повязка? головной убор? как же это называется?... не важно, кажется только, что над чистым лбом застыли потоки русого водопада...

Горло Бадейкина издаёт сдавленный писк.

Он отшатывается от кабины с призывно распахнутыми дверями. Чистенькой кабины, в которой аккуратный мальчик поджаривает безымянный палец своей левой руки в пламени шикарной заграничной зажигалки.

Кожа на пальце обугливается и трещит.

-Во... ы-ы-ы... - не очень внятно говорит Семён Сергеевич, цепляя взглядом, чёрное в красных трещинах, сочащееся сукровицей, в том месте, где должны быть большой, указательный и средний пальцы...

Мальчик поворачивает голову на звук, не прерывая своего занятия. Лицо его спокойно и безмятежно, глаза темны и слепы, только отблески трепещущего пламени живы в них маленькими юркими саламандрами.

-Вам какой? - спрашивает мальчик тихим вежливым голосом, голосом "хорошего мальчика" и наполовину обожженная кисть вопросительно тянется к панели управления, к кнопкам...

К кнопкам, одна из которых пузырится втягивая в себя едкий пластиковый дым, выравнивается, обретая изначальную форму. Поверхности её проектно сглаживаются и на торце крохотным червячком отчётливо и даже, как-то горделиво, проступает цифра "три". "Червячок" содрогается последний раз, стряхивая копоть и её чёрное облачко растворяется в воздухе без остатка...

Где-то очень далеко - как за тысячу километров - хлопает подъездная дверь. Но этот звук, едва донёсшийся до сознания Семёна Сергеевича, становится спусковым механизмом выброса в вялотекущую кровь бухгалтера несметного количества адреналина.

Бадейкин срывается с места, задевая плечом железобетонный выступ лифтовой шахты. Сильная боль кажется такой же нереальной и невозможной, как... это... в лифте, как ступени проносящиеся под Семеном Сергеевичем в вязкой темноте. Он парит над ними, неведомо как умудряясь поворачивать в конце лестничных пролётов. "Второй!" - бьётся под кепочкой Бадейкина. "Третий!" - скользит капелькой пота по виску. "Чет...", - ...

Четвёртый подставляет ему ножку.

Семён Сергеевич кричит, врезаясь коленями во что-то мягкое. Крик бьётся в стены, путается в витиеватых стальных балясинах перил и застревает наверху коротким жалобным эхом. Вслед за ним и Бадейкин врезается в невидимую стену, отшибая вытянутые перед собой руки, сдирая кожу с них и портфеля, чья ручка всё ещё зажата в кулаке.

Немного оглушённый многоцветным взрывом огней в глазах, Семён Сергеевич сползает по стене и заваливается на спину. Воздух со свистом рвётся в лёгкие и сиплому дыханию вторит тихий отчётливый шорох. Чужой...

Первобытным чутьём Бадейкин угадывает рядом движение. Он истерично дрыгает ногами, как таракан перевёрнутый на спину, только бы отодвинуть измочаленное тело от шелестящих звуков. Рука лапает карман пальто, нащупывая фонарик (как он туда попал?), тянет наружу под треск рвущейся ткани, пальцы давят на переключатель...

Луч, ослепительно яркий, прыгает по потолку с новеньким плафоном, рывками ползёт по стене, выхватывая на мгновение кроваво красную "четвёрку" и упирается в белёсое пятно, парящее над полом.

Старуху Пантелеевну из сто первой, Бадейкин узнаёт сразу. Бабка стоит на четвереньках, склонившись к полу, как отвратительная иллюстрация к какой-нибудь "Кама сутре" для как-их-там-филиков. Засаленный халат задрался, едва прикрывая отклячённую, костлявую задницу; ночная рубашка в желтоватых потёках. От старушенции явственно тянет давно немытым телом и кошачьими метками.

Сморщенное личико Пантелеевны, в обрамлении седого пуха, светящегося в луче фонарика, сморщивается ещё больше; провалившийся рот распялен: тёмный провал в трепещущем жадном ожидании с вывалившимся языком - ищущим, с налётом цементной пыли.

-Васенька больше не будет... Он больше не будет... - дребезжащий шепот смешанный с кисло-сладким дыханием, касается щеки Семёна Сергеевича. Желудок его подкатывается к горлу.

Сознание меркнет, как лампочка в фонаре.

Милосердная тень заливает площадку четвёртого этажа.

Бадейкин бешено скребёт каблуками ботинок чисто вы... вымытый пол, отползая к лестнице, нащупывая ступени спиной, судорожно дёргающимися руками - кажется липкими...

Влажный шелест подгоняет его.

Подъезд содрогается от крыльца до крышки чердачного люка. Стены сжимаются, растягивая и деформируя пролёты. Бадейкин падает на ступени и коленные суставы протестующе вопят. Он падает и дальше, разбивая локти; зубы клацают, между делом, прикусывая до крови язык. Тело посылает разнообразные сигналы в мозг и тот, заходясь в трясучем безумии параноика, торопливо убеждает Семёна Сергеевича, что их обоих перетирают в жерновах...

Жернова выплёвывают Бадейкина между шестым и седьмым этажами в облако конопляного тумана, в пластах которого плавают огоньки папирос, и раскачиваются почти бестелесные оболочки целого стойбища наркоманов. Пахнет жженой веревкой.

Возможно они занимаются тем же, что и обычно - ничем. Но Семёну Сергеевичу так не кажется, хотя он старается особенно не приглядываться. В его личном восприятии, нарки ощупывают исцарапанные, исписанные

краской, избитые ногами стены, легко касаясь панелей чуткими пальцами. Под прикосновениями царапины заглаживаются, краска отваливается обнажая первозданный цвет, рубчатые следы неведомо чьих подошв тают, как прошлогодний снег. Кисти ползают по стенам осторожными паучьими движениями, будто бы опасаясь прервать тонкие нити невидимой паутины.

Бадейкин глупо хихикает: особенно забавным ему кажется кручёный розоватый шрам на щеке одной из сомнамбул. Икс, игрек, и ещё нечто из высшей математики - всё как в старом анекдоте. Всё, кроме шрама...

Но это не важно. Тут если вздохнуть поглубже, ещё и не такое примерещится, так что Семён Сергеевич спокойно отворачивается и, стараясь дышать через раз, безо всяких помех добирается до своего этажа. Собственное тело кажется лёгким, почти воздушным, так что руку он поднимает очень медленно и осторожно, что бы не улететь в тартарары, а как и положено, аккуратно нащупать пальцами гладкую пупочку звонка справа от входной двери с трогательно-желанными цифрами "125".

И позвонить...

Позвонить...

По...

Звонка нет!

Семён Сергеевич шарит ладонью по стене, не испытывая более ничего, кроме острого болезненного желания захлопнуть, наконец, за собою дверь, привалиться к ней спиной и вдохнуть запахи своей квартиры: тепла, уюта, дома...

Звонка всё ещё нет.

Бадейкин в отчаянии лягает ногой в темноту, в дверь: откроет ему кто-нибудь или нет?!!

Звук удара глухой, словно бы...

Ужасное подозрение пронзает Семёна Сергеевича от макушки до пяток коротким электрическим разрядом. Многострадальный фонарик безжалостно понуждаемый тисками мягкой бухгалтерской ладони, в последний раз вспыхивает умирающим светом и, прежде чем площадка становится на дыбы, подсекая Бадейкина под колени, Семён Сергеевич успевает рассмотреть верхнюю часть массивной металлической двери (его двери!), чья нижняя половина уже погрузилась в стену, под слой совершенно и вот уж воистину, железного бетона.

-Эй, эй... - недоумённо выкрикивает Семён Сергеевич, но дотронуться рукой до исчезающей двери уже не успевает.

Подъезд, оказавшийся сегодня неприятно живым, выдирает из своего тела дверные проёмы квартир сверху донизу. Геометрически правильные лестничные пролёты теряют свою геометрию и словно кольца огромного червя конвульсивно сжимаются. Шахту лифта сотрясает утробный животный рев рвущегося бетона и визг лопающейся арматуры, скрежет металлических перил и звон бьющегося стекла.

Бадейкин ползёт по вибрирующей площадке к гладкой стене, в которой когда-то - сотни лет назад, - была дверь, и он по странному стечению обстоятельств мог открывать её самостоятельно.

Он скребёт глухую стену пальцами, ломая ногти и поскуливая как щенок, и бормочет что-то юродивым речитативом.

Пальцы оставляют на гладкой стене кровавые полосы...

"...Вчера, 15 ноября, в 22:15, в Староградском районе города произошло обрушение одного подъезда нового пятисотквартирного дома номер 236 по ул. Пресненской. На месте трагедии работают спасатели МЧС, пожарные команды и сотрудники прокуратуры. По предварительным данным следствие выдвигает несколько версий - просчеты при проектировании, ошибки при монтаже конструкции, взрыв бытового газа и террористический акт. Количество погибших и пострадавших уточняется..."

скоро

уже в этом году

спецпроект ЛоТ

бесплатная PDF-книга

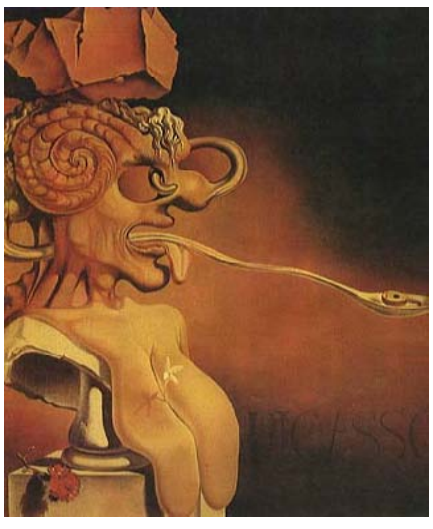
Антология Хоррора, Мистики, Триллера,

Темного Фэнтези и Магического Реализма

лучшие авторы, лучшие произведения

больше нигде в сети

Александр ГАЛИНОВСКИЙ. ЛЮДИ С НОЖАМИ ВМЕСТО ЛИЦ



Представьте растерянность человека вне времени и пространства, который потерял свои часы, мерную рейку и камертон.

Альфред Жарри "Деяния и мнения доктора Фаустроля, патафизика"

(сюрреалистическая повесть в восьми сценах великолепия необузданной фантазии человека, присевшего на пригорке у зеркальной глади полноводной реки и созерцающего метаморфозы, происходящие с его лицом в момент падения на него последнего луча заходящего солнца)

1.Картинка спичечного человека и розовые обои.

Александр Галиновский *- белорусский автор, участник ЛоТ с 2006 года. Жанр произведений - ужасы, форма - рассказ. Публиковался в изданиях “9mm”, “Супертриллер” (интервью с редактором “Супертриллера” читайте в этом номере “Тьмы”), сборнике готической прозы “Черное и Черное”.*

Сайт писателя - www.bm11.narod.ru

В больших городах люди маленькие как божьи коровки. Божьи коровки, попавшие в муравейник. Каждый здесь своего рода чужой, и таким его делает само отношение города и тех муравьев, которые пытаются пожрать тебя. Свет миллионов окон, неоновых ламп и уличных фонарей способен напугать любого, особенно, если ты знаешь, что те самые муравьи с каннибальскими наклонностями живут где-то рядом, в квартире напротив, в соседнем доме, на противоположном конце города. Я не был муравьем. И я не мог спать.

Я не спал эту ночь. И еще одну перед нею. И еще много-много ночей задолго до этого. Я совсем не ел и почти не выходил из дома. Вместо этого я просто лежал в своей кровати и размышлял. Мне не к кому было пойти, и не с кем поделиться. В шестидесятилетнем возрасте у тебя почти не остается друзей, все они либо умирают, либо исчезают, как талый снег, а кладбище, такое пустое и серое, все так же продолжает принимать холодные тела, оставляя нам лишь воспоминания. Жена? Сомневаюсь, чтобы ее это интересовало. У нее есть любовник. Такой аккуратненький и совсем без проблем.

А я был стариком. Аспирин, порошки, таблетки от кашля и валерианка на ночь - это почти все из того, что у тебя остается к этому возрасту. Немного каши, послеобеденный сон, грелка под одеялом. Но я не мог уснуть. Дети, уже взрослые, гордые и обзаведшиеся собственными семьями. У меня и этого не было. Покой? О нем я мог лишь мечтать. И вместо этого лишь одиночество и холодный ветер поселились в моей душе.

Когда подолгу не спишь, весь мир будто теряет свои краски. Будто ты не совсем наяву, словно в желтой мутной воде - не слышишь и не видишь того, что происходит вокруг, обрывки фраз и черно-белые картины воспоминаний навсегда врезаются в твою память...

Я не мог уснуть два месяца...

***

...Моими первыми впечатлениями были бесконечная белизна, стерильность и еще этот запах. Казалось, здешние люди жили и росли в пробирках, а после смерти не лежали и не гнили в земле, как другие, а оставались здесь же, в этом здании, поменяв лишь свои пробирки на более просторные и удобные банки с формалином.

Я знал, что это за место. Я вообще многое знаю. Даже то, что наша ночная сиделка, та, что приходит по вторникам и четвергам, трахается с дежурным по этажу - молодым парнем со странным именем Лес. Однажды я подсматривал за ними всю ночь, а они так ничего и не заметили. Я же говорил: я умнее их всех. Но это так, к слову...

Белые, словно снег, стены, запах таблеток и спирта, тишина, покой и приветливость врачей - все это было более чем странно, и я сразу понял, что все вокруг - подделка. Те другие, что были со мной, не друзья, нет, я их не считал таковыми, просто приятели, с которыми мы коротали время, прямо таки пришли в восторг от такого обращения. Но не я. Да и что мне было до этих слабоумных выродков, которые не переставая бздели и мочились в собственные кровати, я знал и видел больше их.

Это был какой-то новый институт. Таких белых стен я еще нигде не видел. Может быть внизу и были крематории, морг и пищевые камеры, но их очень хорошо скрыли. Даже я не заметил ничего, что указывало бы на смерть. Там, где я находился раньше, мертвецов хоронили прямо в подвале, зарывали неглубоко, потому что не успевали за день выкопать столько могил, чтобы хватило на всех. Вонь стояла по всему зданию, даже на верхних этажах и при распахнутых окнах, и ничто за многие годы не могло уничтожить этот запах.

Внезапно словно из воздуха перед самым моим носом материализовалась фигура в белом. Потом еще одна. И еще. Всего семеро. Четверо - здоровенные негры: одинаковые выражения на лицах, и такая же одинаковая одежда. Они стояли молча. Двое медсестер - их я еще опишу позже. И врач - седой старик в черном костюме и безвкусном цветастом галстуке.

Минуту они стояли молча, а затем седой улыбнулся широкой белозубой улыбкой. Почему-то она у него вышла какой-то зловещей, острые, как бритвы, зубы сверкнули в свете люминесцентных ламп и исчезли за тоненькой полоской ярко-красных губ. В следующую минуту он шагнул нам на встречу и, пожав каждому руку (ладонь у него была холодной и тонкой, словно лезвие ножа), заговорил.

- Здравствуйте, здравствуйте! Рады вас видеть! Мое имя доктор Баал - я ваш лечащий врач. Справа от меня старшая сестра Лилит - она здесь главная по части снабжения пациентов всем необходимым, а рядом с нею сестра Геката - ее первая помощница (медсестры улыбнулись, сначала по очереди, а затем одновременно). Познакомьтесь так же - наши санитары - слева направо - Бельфегор, Бельзебуб, Абаддон и Азазел. (каждый из негров сначала кивнул в отдельности, а затем они все проделали это разом, в точности так же, как и медсестры за секунду до этого).

Одна из медсестер, та, лицо которой было бледным и желтым, как у трупа, с зияющими глазницами, подошла ко мне и, улыбнувшись гнилым ртом, взяла за руку. Сначала я отпрянул, но затем, вспомнив, что нельзя выдавать себя, расслабился. Ее руки заскользили по моему телу, оставляя на коже длинные и жирные помазы желто - зеленого гноя. Она хотела меня, и я знал это. Она хотела того же, что имеет каждый вторник и четверг наша сиделка, та, что спит с ночным дежурным.

- Мой Лес. - Сказала она, и изо рта у нее во все стороны полетели отвратительные брызги. - Будь моим Лесом. Люби меня, как он любит свою принцессу.

Я сжался в тугой комок. Не выдавать. Ни в коем случае нельзя выдавать то, что знаешь про них всю правду...

Но я не смог. И отбежал в угол, к дальней стене.

- У, какой он пугливый. - Продолжало второе чудовище, медсестра в грязном халате, сплошь покрытом кровавыми пятнами. – Может, ты хочешь с нами обоими? Хочешь меня?

С этими словами она расстегнула несколько пуговиц и отвернула край халата, так, что стало видно все под ним. Соединение ног и обильная поросль между ними. По ее левой ноге сверху вниз стекала тоненькая струйка крови.

Я скорчился в своем углу.

Я где - то далеко. Я ухожу. Удаляюсь.

...и сейчас мы все собрались здесь, чтобы почтить светлую память...

Словно сквозь пелену сна я разглядел, как рядом со мной на корточки присел какой - то мужчина тоже в белом халате. Я не знал его и никогда раньше не видел. Он носил усы и бороду, и своим внешним видом почему - то напомнил мне шмеля. Наверное, он мог бы жужжать, если бы захотел, но очевидно, он был не в духе.

Его тонкие и теплые пальцы приподняли мое веко, и острый луч света проник в мой зрачок. Я не пошевелился и продолжал сидеть в своем углу, скорчившись и подтянув колени к самому подбородку, как часто делал это в детстве, когда прятался от отца в самом дальнем конце сарая. Я заметил, как притихли и съежились вдруг остальные демоны. Они уже не звали меня, не называли по имени, не хотели быть со мной. И мне стало грустно. Ведь я хотел...

В это время ко мне подошло двое людей в белом, они взяли меня под мышки и рывком поставили на ноги. Сначала я хотел сопротивляться, но, вглядевшись в их суровые и полные решимости лица, сдался. Скоро. Очень скоро придет мое время. И тогда мне не надо будет бояться, прятаться и скрывать, что я знаю всю правду. А до этого времени я решил молчать и так же молча повиноваться.

Придерживая под руки, словно бы я был слаб и еле стоял на ногах, эти двое вели меня по коридору.

О, этот длинный-длинный коридор! Он словно сама бесконечность, словно пропасть без дна. По бокам - сплошь одни двери, различать которые можно было лишь по номерам на них. Впереди - один большой сверкающий тоннель без конца. Словно ненасытная пасть он расширялся и сужался, заглатывая идущих по нему людей. Свисающие с потолка сталактиты казались мне его хищными челюстями, способными пережевать что угодно, а далекие отзвуки шагов, переплетающееся где-то с эхом человеческого голоса - ужасными проклятиями, несущимися в мой адрес. Каковы были величие и сила этого голоса, отдававшего приказы нам - немым и безликим червям, копошащимся в хладном трупе этого здания! "Директива два-четырнадцать, - вторил ему рокот эха. - Для интерпретации номер семьсот тридцать шесть распределение в узел три - изолятор строгого режима. В дальнейшие несколько часов требуется провести следующие процедуры...".

Голос вырывался из блестящих черных динамиков, которые развешенных повсюду. Их решеточки можно было найти везде: прикрученными к покрытому сталактитами потолку, к белоснежным стенам, стоящими на тонких хромированных подножках.

"Присвоить новоприбывшим пациентам следующие свободные интерпретации, - продолжал голос. - Одна тысяча двести тринадцать - пациенту номер два, одна тысяча двести четырнадцать - пациенту под номером три...".

И так далее.

Вскоре мы с моими спутниками остановились возле устройства, напоминающего старинный автомат для продажи "кока-колы" - такие часто ставили в барах и на углах улиц. Санитары по-прежнему держали меня под руки, но теперь сильнее, чем раньше, словно боялись, что я сорвусь и побегу.

"Пациент номер девять, - моё лицо оказалось как раз напротив динамика, установленного на черном корпусе "автомата".

"Вам присвоена следующая интерпретация: номер одна тысяча двести двадцать, узел размещения: три, уровень смягченного режима".

Затем мы вновь пошли по коридору. Сверкающие сталактиты, черные динамики, белоснежные стены и бесконечные ряды дверей по бокам - все вокруг одно и то же. Весь путь занял около получаса.

Мы остановились напротив одной из дверей. Она была полуоткрыта, и сквозь просвет я увидел чистую и просторную комнату, еще более белую и чистую, чем стены вокруг. В нос мне ударил все тот же запах, и я сморщился. Так, наверное, пахла для меня смерть и одиночество. Алкоголь и аспирин.

Санитары впихнули меня внутрь и прикрыли за собой дверь. Щелкнул металл замка. Оставшись один, в полной тишине я услышал их удаляющиеся шаги.

Итак, это была моя новая комната. Три на четыре метра, не такая просторная, как хотелось бы, но все же пошире и подлиннее, чем прежняя. В углу стояла кровать, рядом - тумбочка, на стене пустая полка для книг, небольшое окно почти под самым потолком. Очень напоминает камеру и операционную одновременно.

Я лег на кровать. Голова моя была пуста, и я ни о чем таком не думал. Хотелось спать.

Вдруг мне почему-то вспомнилась Наташа - я знал ее когда-то очень давно, кажется, она хотела иметь ребенка. Мне стало интересно, случилось ли это. Если да - то кто стал отцом? Неужели тот бородатый и с усами, совсем старик, тот, что постоянно говорил "Пойдем, пойдем, Наташенька, отсюда", и задыхался, когда поднимался к нам на четвертый этаж?..

Странно, откуда у меня подобные мысли? Я перевернулся на другой бок. Вроде бы ничего.

Нет, опять. Я словно бродил по кругу.

А все-таки, наверное, он.

Да не думай ты об этом.

Я представил, как он вот так же задыхается в постели, а она тонкая и хрупкая вздыхает в железных объятиях его огромных волосатых рук.

Отвратительно.

Ничего не помогает... Интересно, а что там, за окном? Хотя нет, ничего занимательного - в принципе, наверное, как и везде - тот же забетонированный двор с огромными стенами в два человеческих роста.

Надо поспать...

НЕ спится...

НЕ хочу спать...

НЕ могу...

Сны никогда не приносят ничего хорошего. По крайней мере, в моем случае.

...я очень сожалею, но диагноз самый неутешительный... по-моему будет лучше, если за вашим мужем будет осуществляться специальный уход... понимаете, эта болезнь...в один прекрасный момент он может стать очень агрессивным, возможно, даже опасным, и тогда... и еще эти его сны, о которых он постоянно рассказывает...он ничего вам не говорил?.. есть одна клиника... очень хорошая... не волнуйтесь, пожалуйста, ему помогут... через месяц это будет совершенно другой человек...

Месяц.

Потом еще один.

И еще.

...еще немного нужно подождать... уверяю вас, это не психическое заболевание... переживать нет повода... всего лишь сказывается небольшое перенапряжение... где вы говорите, работал ваш муж?..

Морг. Или крематорий. Или еще что похуже. Не помню.

Беседы по телефону. Намеренное избежание разговоров с глазу на глаз.

...позвоните мне завтра, в это же время...

Черт возми, когда же все это было? Я повернулся на другой бок и попытался вспомнить. Год, а может быть и два

года назад. Время так быстро летит.

Интересно, спит ли она с ним? Скорее, да, чем нет. Конечно спит! Этот вонючий жид не похож на порядочного человека...

Моя жена тоже...

Сны...

Сколько раз я видел их совокупляющимися в моих снах!

Иногда спать просто не можешь, не хочешь, потому что знаешь...

Что?..

Что сны не приносят ничего хорошего.

Что она сосет его огромный и пухлый, словно вылепленный из теста, член и вздыхает, когда его волосатые руки касаются ее между ног.

Ничего хорошего?.. Странно, я повторяюсь, или это эхо?

Поворачиваюсь на другой бок.

Уже лучше...

Да, точно, ничего... ничего... хо... хоро...

...черт их подери, этих врачей... они опять дали мне это... чтобы я мог спать... нет, не хочу...

...ничего хорошего...

Засыпаю...

2. Марионетка, подвешенная на высушенных жилах трупа.

Так начиналось время пыток и пребывание там, куда нас уводили темными безлунными ночами, так, чтобы никто этого не видел. Когда я говорил о том, что здесь нет крематориев, моргов и пищевых камер (так называются те места, где они кормятся), я был прав лишь наполовину. Им незачем было сжигать или хранить у себя трупы. Быть мертвым - это было большей привилегией тут, чем, скажем, быть живым и в полном здравии. Почему? Да потому, что им нужны были мы, я и те, кто рядом, такие же. Они проводили свои опыты, наблюдали за нами, опять проводили опыты и вновь изучали. День за днем. И это тянулось неделями.

В первый день меня привели в просторный подвал, расположенный очень глубоко под землей. С первого же взгляда в глаза мне бросились грязь и беспорядок, царившие тут, что никак не согласовалось с чистотой и белизной там, на верхних этажах. Здесь работало много людей. В перепачканных грязью халатах они постоянно сновали вокруг, выкрикивали друг другу какие-то приказания, и опять бегали, налаживая оборудование, подгоняя больных и заставляя их выстраиваться в длинную очередь у огромных дверей, куда запускали по одному.

Нас раздели донага и каждому вручили по тонкой тетради в линейку. Для чего они были нужны, нам не объяснили, однако с первых же минут ясно дали понять, что какие-либо вопросы неуместны. Больных запускали внутрь по одному, предварительно называя номера на тетрадях. Человек заходил, двери закрывались, проходило несколько минут, после чего голос из динамика под потолком объявлял новый номер. Это могло длиться часами и занимало обычно прочти всю ночь.

Однако, не все, кто был в подвале, и ждали своей очереди, входили в те двери. С рассветом, многие из нас уставшие и неудовлетворенные, разбредались по своим палатам, где на соседних кроватях уже отдыхали те, к кому удача была более благосклонна. Несколько раз я, новичок, пытался расспросить их о том, что же происходит за теми самыми таинственными дверьми, но ответ был всегда один и тот же - все они молчали, ни знаком, ни мимикой не давая понять, что вообще замечают меня.

Весь день мы проводили как обычно - как и там, где я был раньше. Бритье перед завтраком, послеобеденный прием лекарств, сон, несколько часов во дворе, ужин, а затем нас опять отводили в грязный и полутемный подвал, где все тот же голос из динамиков называл номера на тетрадях.

"Интерпретация номер триста один, - громыхало эхо, и какой-нибудь старик с обмоченными коленями выходил из очереди и брел к дверям.

Днем я старался как можно больше быть в одиночестве - избегать слежки со стороны медперсонала и любопытных взглядов больных. В такие минуты я много размышлял. И, если честно, это были единственные спокойные минуты. Мне не надо было притворяться, делать вид, что я ничего не знаю, строить из себя умалишенного и лгать, будто я не понимаю происходящего. Лишние вопросы здесь были ни к чему - это я понял сразу, когда впервые спросил одну из медсестер о том, куда нас уводят на ночь, и что происходит за теми самыми таинственными дверьми. Она посмотрела на меня как-то странно, пожала плечами и сделала вид, будто ничего не понимает, хотя на самом деле, и я знал это, он понимала и знала намного больше, чем я даже хотел от нее добиться. А через некоторое время в мою палату явились двое людей в белых халатах из обслуживающего медперсонала и всю следующую ночь я провел в тесной коморке без окон и какой-либо мебели - так они дали понять, кто здесь хозяин. Итог всегда один - спрашиваешь лишнее - получаешь дозу успокоительного и засыпаешь. А потом - открываешь глаза и силишься вспомнить хоть что-либо, но ничего не выходит, словно часть твоих воспоминаний просто взяли и стерли. Это как киномеханик вырезает часть ленты, удаляя фрагмент фильма. Всегда одно и то же. Каждый день.

Но я с нетерпением ждал, когда же меня, наконец, пригласят войти в те самые загадочные двери. Странно, неким животным чувством я понимал, что ничего хорошего там меня не ждет, но все же стремился и ждал, словно сам желал оказаться на крючьях и в огне, где муки превращаются в наслаждение. И все же это не было простым любопытством. Отнюдь.

Итак, я ждал. День проходил, за ним наступал новый, но так ничего и не происходило. Временами я вспоминал, то, что было до всего этого. Дом, те места, где я провел все свое детство. Не всегда воспоминания были хорошими и приятными, но все же я не хотел ничего забывать. Это как утратить частичку себя, словно некую очень важную деталь в сложном механизме - и стоило мне вытащить одну карту, как весь домик вдруг рушился, падал с ужасным грохотом, а вместе с ним падал и я. Одинокая точка этой огромной вселенной. О, как я хотел быть ее центром, ее составляющей, ее органом, но ничего не выходило, и каждый день, открывая глаза, я видел все тот же белый потолок и все те же белые стены, словно весь мир был выбелен и выкрашен специально для меня, не давая выхода и заставляя принимать его таким, как он не был на самом деле - полым, белым, химическим и поддельным.

Наверное, всем им я казался сумасшедшим, хотя, на самом деле, и был лишь более ненормальным, чем они сами.

Идеальный мирок, где одни умалишенные сторожат других. И где первые каждую минуту становятся на шаг ближе к последним...

Улыбаюсь.

И тут в мою комнату входят две медсестры. Они волокут за собой нечто, смутно напоминающее тележку, жестикулируют и громко разговаривают. Капли гноя брызжут в разные стороны, несколько попадает на мою простыню. Притворяюсь, что сплю.

"...И тогда мы пошли ко мне домой. Вдвоем, понимаешь. О, это было восхитительно! Всю ночь вдвоем, всю ночь..."

Она чуть было не захлебнулась собственной похотью. Сдерживаю смех и продолжаю притворяться, но, очевидно, это у меня не очень хорошо получается, потому что одна из медсестер уже протягивает мне пилюлю и стакан воды. Пей.

Делаю, как она говорит, пью и тут же проваливаюсь в темную бездну без конца и начала. Моё тело кружится в воздухе, подобно перышку, и рядом кружатся еще миллион таких же перышек как я. Это хороший сон.

Но вот мы опускаемся все ниже, и уже почти достигаем дна.

"...О, это восхитительно! Ночь, мы в вдвоем..."

Еле различимое эхо ее слов все еще звучало у меня в голове.

Что ж, я вновь допустил промах. Я вновь спал.

3. Механики Преисподней.

...Горящие формы передвигались во тьме и окружали меня со всех сторон. Казалось, они были повсюду, они то приближались, то наоборот, отходили назад, внешний облик их постоянно менялся, и изменения это были настолько быстры и стремительны, что любой человеческий глаз был не в состоянии за всем этим уследить. Я чувствовал в их движениях некую скрытую угрозу, словно дикие звери, они подбирались все ближе, и я все яснее ощущал их холодное дыхание... Еще несколько секунд - и они уже здесь, бегают, суетятся, маячат перед глазами, как фигурки на детских каруселях. Подходят ближе, заглядывают в лицо, шепчут, кричат, переругиваются между собой и опять исчезают, пожранные ненасытной тьмою.

...кто ты?..

...зачем?..

...зачем ты здесь?..

...ты пришел?..

...воскреснуть...

...ты пришел?..

...освободить?..

...оставь нас...

оставь...

...гнить...

оставь...

мы... вечно... будем здесь...

...горю!

...воскреснуть?

Постепенно их тихий шепот перерастал в дикий крик, они протягивали ко мне свои костлявые руки, будто прося чего-то.

Зачем ты пришел?

А действительно, зачем? Я не знал.

4. Покажи мне своего Дьявола.

Когда я открыл глаза, то не сразу сообразил, где нахожусь. Вокруг было темно, словно в могиле, и, вставая, мне пришлось вытянуть обе руки, чтобы внезапно не наткнуться на что-нибудь лбом.

Голова моя была тяжела и болела, словно кто-то несколько долгих часов не переставая что есть сил колотил по ней молотом.

Наконец мне удалось обрести вертикальное положение.

Где-то с минуту я безнадежно вглядывался в кромешную тьму, пытаясь заодно нащупать хоть что-нибудь. Наверное, это была действительно странная картина - человек, бестолково размахивающий руками. Я был похож на некую гротескную мельницу, отгоняющую рой назойливых донкихотов.

Прошло всего несколько минут моего нелепого балансирования на одной ноге и с вытянутыми руками, как вдруг внезапно загоревшийся свет ослепил меня. Неожиданно над самой моей головой вспыхнула одинокая пыльная лампочка.

...Потом еще одна.

В метре от себя я увидел лежащего на полу человека. Он уже открыл глаза и теперь, удивленно озираясь, вставал на ноги.

Затем зажглась третья, за ней четвертая лампочки, и люди, такие же как и я, как и мой сосед, еще не до конца осознавший, что же все-таки происходит, вставали с пола и негромко переговаривались между собою. Кто-то начал браниться, сыпля проклятиями направо и налево, кто-то зашелся в диком кашле, кто-то безрадостно и как-то натянуто хихикнул, отколов мрачную шутку по поводу соседа.

По всему коридору зажигались лампочки, и люди вставали с пола, не понимая, что же все-таки происходит.

Это началось спустя минуту.

В одно мгновение всепоглощающая тишина обрушилась на освещенный тысячью тусклых лампочек коридор. Словно каменным молотом она придавила находившихся в нем людей - внезапно, будто по команде, стихли всяческие звуки и теперь она - глухая, молчаливая и невозмутимо мертвая, правила свой таинственный бал. Все вокруг замерло, повинуясь остановившемуся внезапно времени, а воздух в помещении раскалился, словно по нему разом пробежали тысячи электрических импульсов.

Люди притихли, угнетаемые и прижимаемые к земле этой неосязаемой тишиной, и она показалась им мимолетным затишьем перед началом бури. Ощущение было такое, словно уже спустя секунду сверху должен пролиться дождь из серы и огненной лавы, а все вокруг - запылать адским пламенем.

Но этого не произошло.

Вместо этого внезапно, разрывая тишину со звуком треснувшей ткани в самом конце тоннеля, где мы были, открылись огромные двустворчатые врата. В тусклом свете я разглядел серый камень, из целостного куска которого они были выточены, и полустертые, едва различимые иероглифы, выбитые на его мертвой серой плоти.

Спустя несколько секунд, повинуясь некому стадному инстинкту, люди медленно, один за другим, поползли к открывшемуся выходу.

Словно немой надзиратель, тишина продолжала давить на их плечи.

5. Философы на крючьях.

Через несколько минут все мы оказались в странном полутемном помещении без окон и дверей. Сюда вела одна единственная дверь, которая была также и выходом, однако, стоило нам войти, она тут же с оглушительным скрипом захлопнулась.

Мы оказались в западне.

Помещение наполнялось звуками, как пустой стакан, подставленный под струю воды, а вместе с ним наполнялись и наши пустые черепа. Монотонное гудение сотен машин, размеренные, как биение невидимого сердца, удары прессов, чьи-то чуть различимые голоса, выкрики, и невнятное декларирование строк из какой-то неизвестной мне поэмы - все сплеталось в единый сатанинский хор, похожий на тот, который рождают полчища жаб на болоте в лунную летнюю ночь.

Люди вокруг забеспокоились. В помещении было довольно холодно, а многие были одеты лишь в ночные пижамы, что совсем не грели. К тому же среди нас было много стариков, которые не переставая стонали и умоляли других отвести их назад, в палаты, где они бы улеглись в свои не успевшие еще остыть постели, где, укрывшись с головой, они до самого утра прятались бы от своих ночных кошмаров. Рядом со мною один такой, высказывающий наибольшее возмущение состоянием дел, видимо в знак протеста против такого с собой обращения, обмочился. Но это уже никого не волновало.

В одно мгновение все внимание людей сосредоточилось на одной единственной точке, плывущей под потолком. Что это - было пока непонятно, уж очень высоким был потолок, но я знал, что уже через мгновение мы это узнаем, ибо объект приближался с поразительной скоростью.

И действительно, спустя каких-то полминуты мы смогли воочию лицезреть странную картину: сверху на невидимых крыльях, легко, словно птица, к нам планировал человек.

Невероятно, но факт - я не заметил ни какой-либо страховки, ни креплений, поддерживающих его в таком состоянии, казалось, что он действительно летел, как птица! Помню, я даже подумал: "вот дела!", и собирался добавить еще что-то, но в этот момент странный человек опустился на землю аккурат перед ошеломленной толпою.

Ростом он был не очень велик, слегка толстоват, носил шикарный костюм - тройку и все время хитро и как-то по-кошачьи улыбался. Мне не нравилось как.

Некоторое время мы молчаливо и с неприкрытым удивлением изучали его - странный объект, вдруг появившийся откуда ни возьмись, и все это время он стоял, молчаливо улыбаясь и поигрывая скрещенными на выпирающем животе пальцами. Происходящее, очевидно, доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

Наконец, неловкое молчание рухнуло. Это произошло так внезапно, что я, помню, даже вздрогнул, завороженный мистической картиной, развернувшейся перед моими глазами. Кто-то из толпы (сбившейся теперь в сотрясаемую ознобом кучу), протянул руку, и, очевидно желая полностью удостовериться в реальности всего происходящего и самого объекта пристального внимания, слегка дотронулся до полы пиджака странного человека. И в ту же секунду, мгновенно среагировав, человек отпрянул и почему-то дико закричал: "А-а-а! Грабят! Грабят! Милиция! Да что ж это такое творится!.." При этом лицо его побагровело и как будто распухло, а через секунду человек внезапно успокоился, и, почтенно взглянув на часы, произнес: "Одиннадцать пятьдесят семь, товарищи. Советская власть восторжествовала во всех без исключения городах нашей необъятной Родины...". Он, очевидно, собирался добавить еще что-то, но ровно в этот момент голова его распалась на две части, выпустив в воздух черный дирижабль невероятных размеров, и человек исчез. Вслед за ним исчез и его дирижабль. Все еще больше удивились происходящему, и теперь стояли, уже вообще ничего не понимая, но в ожидании очередного чуда. Где-то раздался бой часов...

6. Недвижимый взгляд глаз восковой маски, снятой с лица трупа.

Я видел все как тогда, как в тот день, семнадцать лет назад, когда впервые лицезрел тьму в таинственной глубине ледяных зеркал. Тогда она посмотрела на меня своими мертвыми глазами, молчаливая, угрюмая, злая, и мне стало холодно. Впервые по-настоящему холодно. И страшно. А потом я бежал. Бежал, что есть силы, бежал как только мог, позабыв все, даже собственное имя. Ветер сдирал с моего тела кожу и обнажал кости, а потом вырывал их из суставов и превращал в прах. Голова моя, разрываемая страхом и боязнью быть настигнутым, распадалась на части, волосы отрастили крылья и улетели, обернувшись черной вороньей стаей, но я все так же упорно, ни на секунду не сбавляя темпа, продолжал бежать.

Сквозь кустарник, густые заросли папоротника, по кочкам и мху, по дну рва, каждую минуту поскальзываясь на гниющих останках мертвых стволов, вперед и вперед, неважно куда, лишь бы быть подальше от этих зеркал, от их холода и мрака...

Так я бежал, пока не оказался вдруг на обрыве у берегов широкой полноводной реки. И тогда я остановился. Остановился, чтобы любоваться на ее воды, убегающие неизвестно куда, игру солнца в переливах волн и на телах голых камней, движения рыб в ее глубинах. Зрелище это очаровывало и манило меня. Здесь не было ни тьмы в зеркалах изо льда, ни мертвецкого холода, пронизывающего кости и заставляющего дрожать и ежится, ни страха, ни ненависти, ни желания отомстить, преследовавших меня всю жизнь. Только свет и теплые воды бескрайней и быстротечной реки...

Стоя на самом краю обрыва, над бледным беснующимся потоком внизу, я сделал шаг, и в этот момент...

7. Секундное видение человека, боязливо укутавшегося в собственную негу.

Наверное, была зима, хотя кто мог с уверенностью это утверждать? В одиночестве я стоял у распахнутого окна

и сквозь стекла темных очков пытался разглядеть мир и людей внизу. День подходил к концу. Еще один пасмурный день моей жизни. Серые облака одно за другим покидали небосвод, но меня уже не интересовало их медленное движение, все мое внимание приковал снег, который крупными хлопьями падал на замерзший карниз и тут же таял, сбегая вниз крошечными струйками прозрачно-голубой воды.

Казалось, это продолжалось целую вечность - падение, остановка, вновь падение, трансформация из состояния в состояние, вновь трансформация, и опять падение, до бесконечности, ad infinitum, постоянно и непрерывно, как вращение шестеренки. И вдруг снег стал черным.

Он не просто поменял цвет, но изменил и саму форму, став значительно крупнее и превратившись в некое гротескное подобие человеческой фигурки. Очевидно, люди внизу ничего не заметили, поскольку там было все по-прежнему, никто не вскрикнул, не издал возгласа удивления, и мне показалось, что странность заметил лишь я один. Крошечные черные ангелочки планировали на крыльях свежего ветерка и опускались на мой подоконник. Я вытянул руку...

8. Никогда не говори "никогда".

И вновь я был там, откуда произросла, вытянулась и налилась плоть моего тела. Вновь там, откуда росла каждая веточка, каждый орган и каждая моя конечность. Я вернулся туда, чтобы получить превосходный урок анатомии, я стал любознательным студентом, а мои преподаватели - прекрасными наставниками. Как садовники, которые не могут жить в разлуке с любимым садом, но возвращаются в него, чтобы обрезать больные и захиревшие побеги, они ласкали мое тело, проникали языками в каждое его отверстие, в каждую его пору, и в то же время беспощадно расправлялись с моими нежными и неокрепшими еще членами. Их серпы сверкали подобно магическим лунам, всходящим на темно-синем небосводе, и смех лился бесконечным серебристым потоком. Он то гремел, бодрясь и сотрясая мир, то затихал, уползая глубоко в трещины земли, но всегда начало было одним и тем же - резкий свист лезвия, вспышка и мокрый шлепок - на пол падал очередной окровавленный кусок мяса...

Я не помню всего достаточно отчетливо, и не знаю даже было ли это явью или сном, однако мне кажется, что, по меньшей мере половина из того, что я видел или чувствовал не являлась плодом моего воспаленного воображения.

Есть такой вселенский закон - "никогда не говори "никогда". Что бы он мог значить конкретно в моей ситуации - не знаю. Просто не могу представить себе всего того, что было раньше. Ты выкуриваешь по две пачки в день, ходишь на работу, болтаешь о погоде со своими соседями, внимательно изучаешь курс валют, спишь на рабочем месте - а в свободное время все там же просто сидишь и пьешь кофе из, кажется, бездонной чашки с надписью "Microsoft". Время от времени читаешь порнографические журналы, смотришь бокс по телевизору или разглядываешь товары в супермаркете - размеренная жизнь еще одного неудавшегося буржуа с блеклым и ничего не выражающем именем. Случилось так, что Господь вылепил Адама из глины - не самый удачный выбор, конечно, однако он, наверное, знал, что делал, потому что и после смерти человек возвращается туда же - на глубину шести футов, откуда божественная рука впервые извлекла комок грязи.

Круг замыкается где-то в точке безумия и продолжает свой путь в пространстве.

Я не могу вспомнить, что было дальше. Да и не хочу, поверьте. Для тех, кто стремится расстаться с некоторой частью своего прошлого, хранить воспоминания о нем - наихудший выбор. Они ушли. Забрали с собой свои ножи и уложили в заплечные мешки всю свою хищную злобу, вновь одев шутовские маски. Четыре призрачные фигуры шагали во тьму, на запад, и окружающий мрак все плотнее сгущался у их ног.

Я лежал недвижимо, словно был частью некого гротескного ландшафта, сложенного из распростертых на земле человеческих фигур.

"Help me I broke apart my insides.
Help me I've got no soul to sell
Help me the only thing that works for me.
Help me get away from myself"

Так я лежал, всхлипывал и шептал тихим голосом слова едва незнакомой мне песни, пока не услышал перезвон китайских колокольчиков.

Сначала звук был тихим, как рокот далекого моря, но постепенно он нарастал, будто покрывался новой плотью.

И вскоре я увидел такую картину: ко мне приближался человек в длинной желтой рубахе по колено и в треугольной шляпе, которая закрывала все его лицо. В руках он держал непомерно длинный посох, увешанный всякой дребеденью - среди всей мишуры я разглядел и те самые колокольчики, звон которых превратился теперь в настоящий гром. Человек приблизился ко мне и, наклонившись, одной рукой рывком поднял меня с земли. Затем он подал знак следовать за ним и, повернувшись, шагнул во тьму. Я двинулся за ним...

9. Куда уходят кошмары.

Все закончилось. Все завершилось так, как и должно было. Я стоял посреди огромной безлюдной улицы, под сенью каштанов, и вдыхал свежий воздух. Что ж, наверное, это стоило того, каждая минута моей свободы стоила этого.

Точно, так оно все и было.

И я зашагал прочь от их белых стен.

Информация для авторов:

Ежеквартальный электронный журнал “Тьма” готов рассмотреть и опубликовать Ваши произведения. Условия публикации: *1) Объемы произведения не более 40 000 знаков с пробелами (исключения возможны, но для начинающих писателей маловероятны); 2) Мы публикуем произведения только темных жанров (мистика, ужасы, триллер, магический реализм и т.п.); 3) Мы публикуем только хорошо написанные произведения, при этом рукописи не возвращаются и не рецензируются; 4) Мы не платим гонораров за публикации и не публикуем за деньги.*

Адрес электронной почты редакции журнала: darklot@index.ru

Борис ЛЕВАНДОВСКИЙ:
“У нас могут быть свои мастера мистики и ужасов”

Борис Левандовский пытал меня, мучил и всячески издевался на протяжении всей нашей, надо сказать, довольно продолжительной беседы. Тем не менее в перерывах между зверскими пытками мы успели поговорить о литературе ужасов, ЛоТ, книгоиздании Украины, конвентах, Интернете и литературных конкурсах. Истощенный и обескровленный, я еле доплелся домой. Дошло до того, что, набирая поздно вечером заголовок этого материала, я сначала вместо “Борис” напечатал “Бирс”. Хорошо хоть, не Баал-Зебуб, подумал я - и вздрогнул.

Борис, привет. Как жизнь, чем занимаешься в последнее время?

Сейчас пишу рассказ, который должен влиться в специальный литературный проект ЛоТ, хотя, думаю, эта вещь вполне способна и на самостоятельную жизнь.

Расскажи немного о себе тем нашим читателям, которые не знакомы с твоим творчеством. Кстати, подозреваю, что большинство таких живет в России, а вот в Украине тебя должны знать гораздо лучше. Давай объясним, почему так получилось.

Я пишу прозу в жанре мистического триллера и ужасов. Надеюсь, она достаточно занимательна, чтобы увлечь моих читателей на какое-то время, погрузить в мир истории, а некоторых даже напугать (кое-кого, возможно, очень сильно). Мне 33 года, 9 лет назад переехал из своего родного города Львова в Киев. Если кому-то интересны подробности, приглашаю заглянуть на мой авторский сайт http://www.levandovskij.info, буду рад.

Думаю, да, в Украине знают лучше, все-таки сейчас выходит третья книга в переводе на украинский, а в России издаться успел только «Обладатель великой нелепости».

Твоя первая книга вышла на русском, в АСТе-«Сталкере», а остальные – на украинском языке в украинском же издательстве. Один из твоих рассказов перевели и на немецкий. Зная, что пишешь ты на русском, хочу поинтересоваться – каково это, писать на одном языке, а издаваться на другом?

Это странно, вот как! (*улыбается*) Авторы, в отличие от судеб своих персонажей, не имеют власти над собственной писательской жизнью – поэтому иногда все и складывается так причудливо. Думаю, путь каждого писателя по-своему уникален, это будто книга, написанная специально для него, и книга эта пишется всегда только в настоящем времени.

По твоим наблюдениям, существенна ли разница в книгоиздании Украины и России? И если да, то в чем главные различия?

Пока что эта разница существенна, на мой взгляд. Если иметь в виду издательско-коммерческий аспект, то российская книга лучше и быстрее окупаема, поскольку имеет более широкий рынок сбыта – как в самой России, так и за ее пределами; в той же Украине большая часть населения читает именно на русском. Если же говорить об уровне издаваемой литературы, то он выше именно в Украине, где раскрутка всевозможных серий не идет за счет откровенной низкопробщины, как это часто можно наблюдать в России.

Знаю, ты стараешься посещать крупные конвенты, особенно если они проводятся в Украине. Поделишься с нами впечатлениями, наблюдениями? Как думаешь, участие в такого рода мероприятиях вообще помогает писательской карьере?

Собственно, я побывал пока что на трех таких конвентах: дважды на «Звездном мосту» в Харькове и на Евроконе-2006 минувшей весной у нас в Киеве. У меня остались самые положительные эмоции от их посещения. Очень хотел бы снова побывать на «Звездном мосту» в следующем году. Это повод интересно отдохнуть, провести время с близкими по творческому духу людьми и, наверно, единственная возможность увидеть их в таком количестве сразу.

Относительно прямой пользы карьере… Скажу так: для того, чтобы напиться пива в веселой компании, вовсе не обязательно отправляться на литературный конвент, для этого сгодится и диван перед телевизором в гостиной, но если задаться реальной целью найти заинтересованных людей (коих на таких мероприятиях в достатке), лично наладить контакты с потенциальными издателями, нужно иметь, с чем туда отправиться, это требует подготовки – прихватить с собой как минимум одно крупное законченное произведение, иными словами, заранее серьезно поработать, не только давая длинные посты на литфорумах, запастись дискетами, а лучше дисками, пара распечатанных экземпляров тоже не помешает, а затем – ловить удачу. У меня именно так все и было, когда я нашел своего первого издателя.

Дяченко, Олди… с этими авторами ты также завел знакомство на конвентах или все было иначе? Вообще встречи именно авторов с авторами, а не читателями или издателями – для тебя это интересно, полезно?

С Дяченко я познакомился в 97-м, сразу, как переехал жить в Киев, – пришел в их литературную мастерскую «Третья сила». А с Олди – на «Звездном мосту». Разумеется, это и интересно, и полезно, как любое общение людей, занимающихся одним делом.

Твое отношение к Интернету и сетературе?

Я не так много времени провел в Интернете, чтобы судить. Полагаю, это хорошая возможность для начинающих авторов как-то проявить себя, услышать стороннее мнение, а иногда даже привлечь внимание издателей к своему творчеству. Однако большинство так называемых литературных ресурсов скорее отвлекают от писательства, чем приносят реальную пользу.

Расскажи, почему ты решил стать участником ЛоТ?

(смеется) Чтобы ты наконец прекратил мне слать анкету на вступление! Ладно, мне это показалось вполне логичным – мы, авторы «темного» жанра, по сей день являемся кем-то вроде изгоев в русскоязычной литературе, такие себе уродцы, которые вызывают мгновенное любопытство, но с которыми мало кто хочет иметь дело. Общаться с людьми, не просто пишущими, а пишущими именно такую литературу – для меня особое удовольствие. И хочу поблагодарить лично тебя, Михаил, за ту большую работу, которую ты делаешь.

Если кто-то не знает, то я напомню: Борис Левандовский был судьей первого литературного конкура, проводившегося ЛоТ. Вспоминая об этом, Борис, что ты можешь сказать по поводу сетевых литературных конкурсов и каковы твои субъективные впечатления с «этой стороны баррикад»?

Во-первых, победы в таких конкурсах – хорошая моральная поддержка для авторов, особенно начинающих. Это дает то необходимое признание со стороны, что позволяет не зачахнуть внутреннему стимулу, без которого трудный писательский путь становится непроходимым, как вязкое болото, из-за различных житейских проблем и отвлечений. Это как будто поливать особое комнатное растение на подоконнике писательской комнаты, от которого зависит наше вдохновение. Во-вторых, можно научиться кое-чему полезному, больше узнать о своих слабых и сильных сторонах. В-третьих, это просто шанс «засветиться». В конце концов, для любого автора однажды наступает время, когда ему пора так или иначе впервые выйти «на люди», и подобные конкурсы вполне для этого годятся.

А самому в каких-либо литературных конкурсах доводилось участвовать?

Нет, только в качестве члена жюри.

Возвращаясь к истокам… что подтолкнуло тебя к писательству и конкретно к мистике и ужасам?

Мне кажется, в нас уже от рождения заложены определенные склонности, все зависит от того, насколько будут благоприятны условия, в которых мы в будущем очутимся, особенно в детстве. Во мне, видимо, сказалось увлечение страшными историями, которые я любил слушать по вечерам от старшего брата и других детей. Я даже помню точное место и время, когда это началось – к слову, долго не мог успокоиться, пока однажды все это не изложил в почти целиком автобиографической повести «Что-то в дожде». Да и вообще я всегда любил читать и был уже закоренелым книголюбом еще до школы, перечитал много фантастических книг, пробовал уже что-то сочинять сам и затем переводил бумагу. Это была очень мощная проза, особенно в первых попытках, когда я еще не выучил всех букв.

«Что-то в дожде», на мой взгляд, хороший пример отличного произведения о потустороннем, произведения, в котором нет «крови и мяса». С другой стороны, доводилось читать у тебя и вполне себе кровавый хоррор… Для тебя, как для автора, есть разница – что писать: физиологический ужас или реалистические романы с мистической составляющей?

Каждая история сама подсказывает, как ее писать. И хоррор это далеко не всегда «кровь и мясо». Самым ценным и самым интересным в произведении лично мне представляется присутствие какой-то тайны, которую читатель захочет раскрыть, следуя за автором, как за своим проводником, – достичь этого гораздо сложнее, чем просто напичкать произведение сценами насилия. Мне гораздо ближе именно реалистические истории, в которых присутствует определенная доля иррационального, чего-то такого, с чем не сталкиваешься каждый день. В основном это пугающие и нехорошие вещи.

Насколько вообще сильны автобиографические мотивы в твоем творчестве?

Иногда они очень сильны, поскольку я, как и многие авторы, использую собственный жизненный опыт. Но чаще все является сплошным вымыслом. Однако я подозреваю, что присутствие автобиографических моментов сильно возрастает по мере уменьшения возраста персонажей.

Мне всегда импонировала в твоем творчестве прямо-таки гвардейская преданность жанру мистики. Хотя ведь не секрет, что отношение к мистике и хоррору у многих заведомо предвзятое и, надо сказать, не лучшее…

Ну, я писал не только мистику и ужасы, пробовал себя и в обычной фантастической прозе, даже первый роман написал в жанре космической оперы (правда, так его и не предлагал издателям, чтобы никого не сбивать с толку). И не собираюсь отказывать себе в этом: если вдруг придет желание написать что-нибудь в другом жанре, то напишу. Писателю дана полная свобода в творчестве, так почему бы ею не пользоваться? Другое дело, что какое-то направление должно являться приоритетным, для меня это мистические триллеры и horror. А насчет чьей-то там предвзятости… почему меня это должно волновать? Это личное дело читателей, что им покупать, а что нет, так же, как и мое – в каком жанре писать. И я ведь пишу не для всех, только для тех, кто любит именно такие истории.

Твое мнение: что должен представлять собой хороший, качественный хоррор? Почему по-настоящему достойные вещи в этом жанре появляются на русском столь редко? Или же это миф?

Во-первых, я не переношу слово «качественный» в любой форме применимо к литературе и книгам, если только речь не идет о полиграфии. Оно меня просто бесит! И я считаю, тех, кто говорит подобное, нужно привязывать к креслу очень плохого дантиста и держать там, пока они не забудут это слово. Литературное творчество не заводской конвейер, а произведение – не кирпич и не автомобильная покрышка. Поэтому, если не возражаешь, мы будем говорить о мастерски написанных, либо написанных на приличном профессиональном уровне, произведениях любимого нами жанра. Необходима, я думаю, прежде всего – хорошая история. Это вообще залог успеха любой беллетристики вне зависимости от жанра. Плюс писательское мастерство автора. Ну и, разумеется, то самое нечто, что заставит долго решаться открыть дверь туалета, когда ночью нас будит зов мочевого пузыря.

Насчет мифа о том, что это «не наш» жанр… Мне кажется, в этом есть немалая доля правды. Не знаю, пресловутый ли славянский менталитет тому виной, наша жизнь или что-то другое, но пока что усилия отдельных редких авторов еще не превратились в заметный поток русскоязычного «ужаса», настоящее литературное направление. К тому же, очень часто к хоррору причисляют авторов и произведения, не имеющие ничего общего с этим, и все только потому, что в них номинально присутствуют какие-то атрибуты, часть антуража или просто какие-то ведьмы и прочая нечисть… Настоящий мистический триллер не нуждается в обязательном присутствии толпы монстров, рек крови или сверхнатуралистических описаниях, он может быть «сделан» на одной закрытой двери. Потому что в действительности нет ничего страшнее закрытой двери, за которой таится неизвестность. Это и есть основной закон жанра – присутствие саспенса, пугающее, напряженное ожидание. Хичкок, например, владел этим в совершенстве. К сожалению, большинство наших авторов, считающих, что они пишут ужасы, этого еще не усвоили. Еще к типичным недостаткам я бы отнес чрезмерную серьезность и слишком заметное желание напугать. В результате все это дает обратный эффект.

Развенчивая мифы… Три традиционных вопроса автору ужасов: Где вы берете идеи для своих произведений? Как вы можете писать такие страсти? Все ли у вас в порядке с головой?

Отвечу лаконично по очереди.

В нижнем ящике стола.

Запросто.

Нет.

Из современных авторов своего жанра, кого бы ты выделил в первую очередь и почему?

Боюсь, пока это только иностранные имена и все они хорошо известны любителям жанра. Я говорю о том, что какое-то из этих имен сразу же всплывает в памяти, когда речь заходит о литературе ужасов. Однако надеюсь, что вскоре этот список пополнится хотя бы парой-тройкой наших имен. Возможно, среди них окажутся и участники ЛоТ.

А что – есть перспективы, на твой взгляд? Или более серьезно – как ты оцениваешь будущее темного жанра в Восточной Европе?

Очень хорошо. И уже сейчас об этом можно говорить определенно. В последние годы у авторов нашего жанра стало появляться все больше возможностей выходить из «подполья». Издатели наконец сообразили, что у нас могут быть свои мастера мистики и ужасов, которые сумеют составить реальную конкуренцию переводным. Более того, я уверен, что со временем приоритет читательского интереса изменится в пользу именно наших авторов.

Назови три главных качества, без которых автору темного жанра, на твой взгляд, ну никак не обойтись.

В любом возрасте оставаться ребенком, смелость и, конечно же, чувство юмора.

Оригинальный ответ! Ну ладно «смелость» - тут все понятно. Чтобы заглянуть в бездну, надо набраться храбрости. А вот насчет чувства юмора и «всегда оставаться ребенком» хотелось бы получить разъяснения…

Произведение в жанре ужасов – по сути, страшная сказка. Можно успешно писать детективы, научную фантастику, любовные романы или историческую прозу, будучи во всех отношениях абсолютно взрослым человеком, но ужасы – никогда. Нельзя написать хорошую «темную» историю, если утрачено присущее ребенку мировосприятие, даже не пробуйте, потому что ни черта путного у вас не выйдет. Для того чтобы заставить кого-то поверить хоть на мгновение в вашу сказку, вновь ощутить себя маленьким и напуганным, как в детстве, нужно самому оставаться ребенком.

Юмор позволяет сохранить эмоциональное равновесие, а излишняя серьезность словно делает прозрачными все намерения автора. Смешная реплика персонажа, какой-нибудь забавный оборот или сравнение в подходящий момент только пойдут на пользу произведению, даже если оно написано в жанре ужасов. Нередко в качестве такого юмора выступает темная ирония.

Мир увлечений Бориса Левандовского. Если забыть о писательстве и прочей работе, как ты проводишь свободное время? Твои любимые игры, фильмы, книги. И почему они – любимые?

Да, да, конечно же, все это я очень люблю! Последнее время многие мои интересы связаны именно с компьютером, это удобно, к тому же. Можно скачать из Интернета любой фильм и сохранить на жестком диске. Вообще мне нравится любое хорошее кино, но, естественно, отдаю большее предпочтение жанровому – мистике, триллерам, фантастике. Люблю роковую музыку различных направлений – от старого доброго хэви до блэка, дум- и дез-металла. Ну и, понятное дело, игры – особенно шутеры и пошаговые стратегии. Сейчас, например, с большим удовольствием играю в 5-х «Героев»… пока совесть не замучает напоминаниями, что есть дела и поважнее. А читать стараюсь постоянно – старая дурная привычка, которую заработал еще в детстве – читать и нередко перечитывать. На то они и любимые книги, чтобы перечитывать, они что-то вроде билета на поезд, который доставит тебя в те края, где уже побывал однажды, и вот – вдруг потянуло снова.

Поделись ближайшими творческими планами, если считаешь это возможным.

Готовлюсь начать он-лайн проект на своем сайте – речь идет о публикации романа частями по ходу написания; думаю, если ничего не помешает, это произойдет в конце января или начале февраля. Приглашаю всех желающих принять участие или наблюдать за проектом в роли зрителей. Надеюсь, это будет интересно.

Ты уже можешь поведать какие-либо подробности этого проекта?

Когда выйдет это интервью, надеюсь, проект будет уже какое-то время существовать. А сейчас я только его готовлю к старту. Единственное, что могу сказать: это похоже на прыжок без страховки, поскольку у меня нет никаких наработок, ничего, кроме черновика пролога.

Спасибо за беседу, Борис!

И тебе спасибо, Миш.

А теперь давай привяжем твои руки к подлокотникам этого симпатичного кресла, и немного поболтаем о «качественной литературе»…

Беседу вел Парфенов М. С.

Официальный сайт писателя Бориса Левандовского входит в РЕЙТИНГ ТЕМНЫХ САЙТОВ ЛоТ. Благодаря чему Борис в любой момент может узнать всю статистику своего интернет-ресурса вплоть до количества посетителей различных его страниц.

Кроме того, благодаря участию в РЕЙТИНГЕ, сайт Бориса все чаще посещают новые пользователи.

Если у Вас есть собственный интернет-ресурс, так или иначе связанный с темным искусством, Вы также можете попасть в наш РЕЙТИНГ ТЕМНЫХ САЙТОВ. Для этого надо лишь зарегистрироваться в нем и установить на странице своего ресурса кнопку ЛоТ. ПЛАТИТЬ - не надо!

Танец архитектуры
интервью с Питером Страубом

Дэвид Мэтью: http://www.infinityplus.co.uk/nonfiction/intstraub.htm
Перевод с английского и примечания: Владислав Женевский

На каждой странице словно стоит знак качества, печать высочайшего одобрения – как гарантия хорошей литературы. В каждом абзаце – основательность и величавость, потому что Питер Страуб, которого однажды назвали «классицистом» (слова Клайва Баркера, если быть точным), творит архитектуру. Архитектуру особенную – она живёт и дышит. Это архитектура, которая научилась танцевать. Голос Страуба звучал внушительно и ясно уже на заре его литературной карьеры, которая началась в 1973 г. романом «Браки» *[Marriages]* (правда, его стихи печатались и до этого). И с самого первого своего опыта в жанре ужасов, «Джулии» *[Julia, 1975]*, Страуб неизменно доказывал, что верность традициям, уместный темп, достоверность событий и чувств – не пустой звук для него. А всё это важно, если автор хочет добиться признания собратьев по ремеслу. Когда я спрашиваю Страуба, какое место, как ему кажется, он занимает среди писателей своего поколения (заметьте, вопрос намеренно неопределённый!), тот отвечает с юмором – что довольно неожиданно – и продолжает перечнем своих коллег. Вероятно, это значит, что Страуб до сих пор не против, чтобы его считали писателем в жанре ужасов.

– Неопределённый, говорите, вопрос. А для меня это так вообще тайна тайн, представьте себе – говорит он. *–Это caille en sarcophage [1]. Откуда мне это знать? Я продержался достаточно долго, чтобы заработать уважение, положенное за такой срок. Это нормально. Протяну ещё пятнадцать-двадцать лет – может быть, дадут премию «За достижения всей жизни», если жюри так рассудит. [2] Среди моих ровесников – Стивен Кинг, Томас Тесье, Рэмси Кэмпбелл, Чарльз Грант, Денис Этчисон, Джеймс Херберт, Джек Кетчум (Даллас Майр), Энн Райс, Лес Дэниэлс, Джон Сол, Уитли Стрибер, Брайан Ламли, Грэм Мастертон, Дин Кунц и кое-кто ещё. Добряк Майкл МакДауэлл был ещё одним моим ровесником, но он умер в этом году; из ровесников помоложе назвал бы Роберта Маккаммона, но он говорит, что ушёл из литературы. [3] Джон Койн – он мне всегда нравился – больше не работает в нашем жанре; надеюсь, там можно добиться большего успеха. Среди этих людей я второй или третий по росту, и самый лысый. Я пишу более длинными предложениями, чем большинство из них – возможно, потому, что я больше их всех люблю Генри Джеймса. Почти все мои ровесники посмотрели гораздо больше фильмов ужасов, чем я, особенно Рэмси Кэмпбелл и Лес Дэниэлс. Я назвал много имён, и знаете, что самое удивительное? Компания получается на редкость интересная, и я очень рад быть одним из этих людей.*

Можно, конечно, возразить, что Страуб перестал писать Ужасы (с большой буквы У, так жанр обозначают книготорговцы), когда закончил «Талисман» *[The Talisman],* над которым работал в соавторстве со Стивеном Кингом и который вышел в 1984 г.; так можно сказать потому, что следующей его книгой стал роман «Коко» *[Koko, 1988]*. Хотя «Коко» и получил Всемирную Премию Фэнтези [4], фантастики как таковой в нём очень и очень немного, и публиковался он не под ярлычком «Ужасы». Тем не менее, это детище таланта Страуба, этот триллер о ветеранах Вьетнамской войны и серийном убийце – истинный роман *ужасов*, если словом «ужас» обозначать эмоцию, которая может пронизывать книгу любого жанра, даже произведения литературного мейнстрима, а не просто определенного рода «книжки, где кровь и кишки». Можем ли мы почувствовать разницу? Хотя многие люди – слишком многие, пожалуй – воспринимают его именно так, сам по себе хоррор не обязательно рассказывает о морях крови или призраках. (Точно так же концовка вещи не обязательно должна шокировать, как и концовка каждой отдельной её главы.) Не в большей степени, чем научная фантастика – о космических кораблях. Страубу удалось, пока жанр Ужасов в очередной раз впадал в кому и выходил из неё, остаться верным своим взглядам. Ему хватило смекалки, чтобы браться за романы, которые оценили бы по достоинству люди читающие как жанровую прозу, так и всё подряд. Ведь жанры сбрасывают кожу время от времени: так оно и должно быть. Это один из способов уберечься от болезни равнодушия и преодолеть баррикады, которые воздвигают читатели, – преподнеся им нечто новое. И самое главное: жанры должны взывать к настроению читателя, воздействовать на него. Страуб преуспел и в этом. Если триллер не холодит читательскую кровь – это безусловный провал. Однако проза Страуба неизменно будоражит и увлекает, потому что писатель обращается к двум важнейшим темам: утрате невинности и неудержимости прошлого, когда то хочет, чтобы о нём вспомнили. Он соглашается с моей оценкой, но поправляет:

– Я бы заменил “неудержимость” на “неумолимость”.

Любопытное наблюдение: творчество Страуба распадается на десятилетние, или около того, периоды. Хотя такое деление не безупречно, и периоды отчасти совпадают друг с другом, можно говорить кое о каких интересных закономерностях. Посудите сами. Десять лет писатель и его жена провели в Англии и Ирландии. В это время Страуб занят преимущественно поэзией (сборники «Измаил» *[Ishmael, 1972]*, «На открытом воздухе» *[Open Air, 1972]*, за которыми последовал обобщающий, «Лисон-парк и Белсайз-сквер: Стихи 1970 – 1975 гг.» *[Leeson Park and Belsize Square: Poems 1970-1975]*, опубликованный уже в 1983 г.), но пишет также и свои ранние романы.

– После десяти лет в Дублине и Лондоне мы не смогли узнать Америку, в которую вернулись, и причин для этого было несколько.

[Далее Страуб рассказывает, почему покинул Великобританию и вернулся на родину. Успех романа «История с привидением» принёс писателю ощутимый доход, однако 90% этого дохода могло уйти на выплату налогов: Соединённое Королевство переживало тяжёлые времена и не позволяло своим гражданам шиковать].

– Можно было предвидеть, что нас ожидает мощный культурный шок. Но ведь возвращались мы в свою родную страну, поэтому ни о чём подобном не думали – и шок обрушился на нас девятым валом. Наши соседи в красивом маленьком городке Уэстпорт, штат Коннектикут, были для нас всё равно что марсиане. Однообразными, монотонными голосами они без конца бубнили банальности. Эти люди не знали и не понимали иронии, ирония была для них будто иностранным языком, чем-то нездоровым. А вот откровенность ценилась: ты просто обязан был хватать человека за руку, смотреть ему в глаза и быть настолько откровенным, насколько умеешь, чёрт побери, притворяться таким. Потому что только так ты мог этому человеку понравиться, а нравиться всем и вся было просто необходимо. В мире, где все друг друга обожают, или искусно изображают обожание, правит фамильярная, притворная доверительность. Всякие границы исчезают, и человека неразговорчивого, скрытного уже считают снобом. Помню, однажды я стоял в местном супермаркете, «Уолдбаумс», и созерцал непомерное изобилие на витринах мясного отдела, как вдруг ко мне подошла незнакомая женщина, придвинула свою тележку к моей и безо всяких предисловий заявила: «Знаете, мои три первые аборта прошли просто ужасно». Мы с женой пообвыклись – правда, на это ушла пара лет.

Период, когда Страуб уже явно писал о сверхъестественном и/или фантастическом, также занял около десяти лет, хотя, как я уже говорил, чётких границ между периодами не было, одни плавно переходили в другие (да и вообще, в хронологии всё зависит от везения – точнее, от планов издательств, хотя…). На книгах о сверхъестественном – включая романы «Джулия», «Возвращение в Арден» *[If You Could See Me Now, 1977]*, «История с привидением» *[Ghost Story 1979],* «Обитель теней» *[Shadowland, 1980]* и «Парящий дракон» *[Floating Dragon, 1982]* – Питер Страуб сделал себе имя как один из успешнейших мастеров беллетристики. Однако сам писатель редко читает свои ранние вещи.

– Это как вернуться в дом, в котором жил много лет назад: интересно, конечно, но не особенно. И смахивает на попытку искусственно вызвать ностальгию. Бывало, конечно, что я перечитывал (перелистывал, по крайней мере) кое-что из написанного, наткнувшись на такой экземпляр в библиотеке кого-нибудь из друзей. Обычно всё заканчивалось тем, что я находил целую уйму неуклюжих предложений – и жалел, что не могу их переписать.

Некоторые писатели помнят первые строчки всех своих произведений без исключения. А Страуб?

– Ну разумеется! Вот, например, две: «Зови меня Измаилом» и «В тот день для прогулки возможности не было». Неплохо звучит, а? Ещё мне очень нравится первое предложение «Парящего дракона»: «Это было лучшее из времён, это было худшее из времён». Ну и удачный же был тогда день! До сих пор помню, как почувствовал себя, когда написал эту строку…

Когда я прошу Страуба сказать пару слов о своих романах для тех, кто не знаком с его творчеством (подленький вопрос, каюсь), он

отвечает в шутливом тоне, как профессиональный дразнильщик. Этот тон, надо думать, сослужил ему хорошую службу в нашей благодатной зелёной стране [5], где искусством сарказма и иронии владеет каждый.

– Если позволите, я лучше не буду переделывать свои романы в хокку, – говорит он, – и вместо этого посоветую всем, кому интересно, что и как в моём творчестве, начать с «Истории с привидением», а потом сразу переходить к «Обители теней» и «Коко».

Именно с «Коко» (1988), после поэзии и Ужасов, начался третий этап в творчестве Страуба (надо признать, длится он уже больше десяти лет): этап более реалистичного, приправленного ужасом, лихо закрученного триллера. Страуб говорит, что «не может выбрать “самый любимый”» из своих романов, ибо:

– Если я стану выбирать себе любимчиков, другие дети станут ревновать. Мне представляется, однако, что в “Коко” я перешёл на новый уровень, и за это я роману благодарен.

Можно предположить, что творчество Страуба до «Коко» и после него – это смена не мотора, а автомобиля. Писатель говорит:

– Ну что ж, признаю, что с «Коко» что-то изменилось, я стал писать масштабнее и глубже. Но я бы не сравнил это с покупкой нового автомобиля – это скорее как если бы я разобрал старый двигатель, смазал его, заменил все износившиеся детали, и он стал, таким образом, работать лучше.

В одном интервью, данном много лет назад, Страуб сказал, что предвидит разгневанную реакцию на «Коко» от людей, воевавших во Вьетнаме. Теперь, спустя двенадцать лет после выхода книги, я поинтересовался, как же её приняли на самом деле. Когда-то Страуба беспокоило, что некоторые могли подумать: да кто он вообще такой, чтобы писать о Вьетнаме, если не прошёл через это?

– Да, именно этого я опасался. Я ведь, в конце концов, посягнул на святыню. Пускай я вообразил, будто мне удалось проникнуть в самые души ветеранов тех боёв; сами ветераны могли быть и другого мнения. Но в конечном счёте, отклики оказались в целом очень тёплыми. Я получил множество писем от ветеранов, даже от ветеранских жён – и они благодарили меня за то, что я ни в чём не солгал, что книга позволила им снова говорить о том, что случилось с ними. Сложно выразить, что значили для меня эти письма… С другой стороны, Филип Капуто [6] раскритиковал книгу, сочтя её очередной неприглядной попыткой показать ветеранов Вьетнама психопатами и неудачниками. А один парень, который жил в квартале «Маленький Сайгон» некоего города в Калифорнии, служил когда-то во Вьетнаме и написал несколько приключенческих боевиков, прислал мне фотографию. На ней он сидел за письменным столом с автоматом в руках, а на его плечах повисла хорошенькая вьетнамочка. Фотография была приложена к письму, в котором убедительно доказывалось (на основании «Коко»), что женщинам-азиаткам я предпочитаю маленьких мальчиков. И в последней строчке было сказано: «Тебя там не было, так что заткни свою ё...ную пасть». Я написал в ответ, что его театральность неуместна: литература есть литература, и никаких правил в ней нет; единственное, что ты можешь сделать – это встать на основную базу [7] и замахнуться посильней битой. «Да пошёл ты», – сказал я мысленно, опуская письмо в почтовый ящик. И две последующие недели каждый раз, когда звонили в дверь, гадал, не он ли это пожаловал в гости – вместе со своим автоматом.

В нескольких романах и рассказах, последовавших за «Коко», Страуб создал целый мир, основанный на его собственных персонажах. Истории их жизней продолжаются, часто встречаются перекрестные ссылки – их постоянный читатель получает предостаточно с выходом каждой новой работы Страуба. Речь идёт прежде всего о «Тайне» *[Mystery, 1990]*, «Глотке» *[The Throat, 1993]* и других вещах.

– Безусловно. У многих беллетристов со временем появляется желание видеть своё творчество как единое целое. Через него проходят постоянные темы, совершенно определённые; авторская позиция оформляется, развивается, воплощается в различных формах. Всегда есть соблазн усилить эту общность – сделав её явной, использовав персонажи, которые появлялись бы в нескольких книгах подряд. Я такое практиковал, хотя и в очень ограниченных объёмах. Когда я, казалось бы, намеренно протягивал перекрёстные ссылки от книги к книге (в романах и рассказах о «Голубой Розе» [8]), моей целью отнюдь не было подчеркнуть, что эти романы связывает «общий мир». На самом деле, для меня было важнее добиться, скажем так, неопределённости повествования. Кажущаяся достоверность всякой трактовки описываемых событий – пускай даже читатель взял её на веру – подвергается сомнению. Истории, автором которых считался я, писал, оказывается, один из постоянных персонажей, тоже романист. События из прошлого одного героя позднее переносятся на жизнь другого. Я, автор, и сам становлюсь одним из второстепенных персонажей, который работал над предыдущими романами – в соавторстве с моим выдуманным и более проницательным alter ego. Общее место действия – среднего размера город на Среднем Западе – меняет названия, перемещаясь из Висконсина на острова Карибского моря, а затем в Иллинойс… Фактическим убийствам, совершённым Голубой Розой и составляющим ядро этих трёх романов, находится множество неверных интерпретаций, каждая из которых претендует на истинность. Так, одна из жертв вообще никак не связана с этим делом. А когда в третьей книге мы всё-таки узнаём, кто на самом деле был Голубой Розой, эти сведения подаются ненавязчиво, едва ли не небрежно, и этого человека давно уже нет в живых. Вопреки всем существующим теориям, к нынешним преступлениям он отношения не имеет. Прежние версии действительности, которые давали нам газеты и вымышленные документы, отметаются. И самым верным, самым точным инструментом для постижения изменчивой, многослойной головоломки под названием «истина» становится воображение – то есть создание нового вымысла.

Среди более поздних романов Страуба – «Клуб адского огня» *[The Hellfire Club, 1996]*, который замечателен (если слово не слишком иронично звучит в такой связи) омерзительным созданием по имени Дик Дарт. К немалой чести Питера Страуба, он нашёл новую вариацию на тему «умник-психопат»; однако это ещё не всё. Дарт внушает ужас.

– Дик Дарт соткался из воздуха, когда я с женой и детьми летел из Нью-Йорка в Пуэрто-Рико. К тому времени я работал над «Клубом адского огня» уже около года, и отчаяние моё росло, потому что рукопись пухла и пухла, а я не мог найти ничего похожего на центр, на двигатель повествования. Мне казалось, что я окончательно исписался, умер как писатель. И в Пуэрто-Рико я поехал только потому, что мы уже заплатили за этот отпуск; кроме того, думалось мне, не грех понаслаждаться жизнью, пока катастрофа ещё не разразилась. Но во время полёта мистер Ричард Дарт, обожаемый мной адвокат, который до этого появлялся всего в одном эпизоде (скромным статистом, где-то на задворках), наклонился к моему уху и прошептал, что если я уделю ему пару минут, он, может быть, спасёт мою задницу… а не этого ли мне и надо?

Я поторопился вытащить блокнот из сумки и стал слушать мистера Дарта. И знаете что? Мистер Дарт оказался типом крайне отвратительным, да, но вот говорить он умел на удивление остроумно и интересно. Я записывал каждое его слово. Разумеется, он намеревался подмять под себя весь роман, но за отсутствием лучших идей я дал ему карт-бланш. Всю следующую неделю, каждый день, я спускался к бассейну с блокнотом и запасом ручек – и писал под диктовку Дика Дарта. Кому-кому, а Дарту всегда было о чём рассказать.

Наконец, у Страуба есть работы и поменьше. Например, новелла «Мистер Клабб и мистер Кафф» *[Mr. Clubb and Mr. Cuff]*, принёсшая автору несколько наград. Закончив её, Страуб почувствовал себя «*более довольным, чем обычно себе позволяю. Приступал к работе я почти вслепую, единственное, в чём был уверен – это что мне хотелось написать историю о мести, основанную на “Бартлби” [9]. Чуть раньше я как раз перечитал новеллу Мелвилла – и пребывал под впечатлением. Едва начав писать, я услышал голос этой истории, а потом она уже потекла сама собой, по собственному руслу, разрастаясь с каждым днём. Когда я закончил, всё в ней будто бы сходилось, всё было уместным. Я подумал, что это одна из лучших моих вещей, и думаю так до сих пор*».

И конечно, стоит сказать о самом свежем подарке, которым побаловал нас Страуб – о «Великолепном Хэте» [Pork Pie Hat], которого я прилюдно и безо всякого стеснения объявляю настоящим, чёрт его дери, шедевром. Мне безумно понравилось в «Хэте», что толкований ему можно найти великое множество. Это повествование насыщенно до предела – но течёт изящно и стройно. Вероятно, Страубу пришлось изрядно потрудиться над композицией новеллы, чтобы все эти связи и намёки начали работать?

– Ничуть, я написал её единым духом, от начала и до конца. Все последующие переделки касались стиля. Рад, что вам понравилось.

В этой новелле и некоторых других отразилась, возможно, любовь автора к чтению детективов.

– Я действительно читаю немало детективных романов – Лоуренса Блока, Дональда Уэстлейка, Сью Грэфтон, Майкла Коннелли, Денниса Лиэна и многих других. Когда мои персонажи забираются в машины и начинают ездить по городу, разговаривать с людьми и задавать им вопросы, я ловлю себя на том, что подражаю Россу Макдональду.

«Великолепный Хэт» – это история об истории, как и «Клуб адского огня». Некий любитель джаза уговаривает своего кумира на

интервью, но узнаёт гораздо больше, чем ему хотелось бы. Этот кумир, саксофонист, именем которого и названа новелла (и кумир из которого неважный, если говорить о нём как о *человеке*), одной ногой стоит в могиле из-за пьянства, депрессии и недоедания. Я спросил Страуба, как возникла идея этой новеллы.

– «Великолепный Хэт» был вдохновлён длинным фрагментом из видеозаписи передачи «Звуки джаза», которая вышла как-то в прямом эфире в 1957 или 1958 г. Тогда целое созвездие великих джазовых музыкантов собралось в студии, чтобы в течение часа играть всё, что им только вздумается. Ближе к концу передачи Билли Холлидей устроилась на табурете, чтобы спеть свой блюз "Fine and Mellow", а рядом кружком встали легендарные фигуры – Бен Уэбстер, Вик Дикенсон, Джо Джоунз, Коулман Хокинс, Рой Элдридж, Рекс Стюарт и – самое главное – тенор-саксофонист Лестер Янг. Жить ему оставалось несколько месяцев, и он был в ужасном состоянии. Билли пропела один куплет, два музыканта сыграли его по очереди на инструментах, потом Билли пропела другой куплет и так далее…

Лестер Янг показался в кадре, когда начался второй круг. Кому-то пришлось подтолкнуть его в спину, чтобы он сообразил, что пора вставать на ноги и двигаться к микрофону. На записи видно, как он облизывает язычок саксофона и берёт мундштук в рот. И начинает играть простенькую блюзовую мелодию, которая с неземной величавостью переливается из фразы во фразу. Печаль, горечь, и что-то ещё, что я могу назвать только мудростью, – всё это оживает в том, как за одной нотой (как правило, полной) неторопливо следует другая. Вот он, изумительный музыкант, который когда-то преображал всё вокруг с изящностью гения, вот какой он теперь: развалина, в которой от человеческого остались одни обломки; непонятно, как ему вообще удаётся сейчас играть, но с каждым тактом его послание становится всё совершенней и совершенней, глубже и глубже. Каждый раз, глядя на это, я плакал, но пересматривал это снова и снова. Приглашал друзей и ставил запись для них. И в конце концов задумался: как человек мог дойти до такого? Что привело его в такое состояние? Это и было началом «Великолепного Хэта».

Увлечённость Страуба джазом стала притчей во языцех (и я не прочь бы взглянуть на его фонотеку); упоминания о джазе пронизывают всё его творчество, не исключая «Талисман», как вены – человеческое тело (а «Коко», например, был назван так в честь композиции Чарли Паркера [10]). И когда я спрашиваю Страуба, какие из произведений, не созданных им самим, ему нравятся больше всего, он отвечает:

– Ну, допустим, соло Пола Десмонда из «These Foolish Things», упомянутое в «Мистере Икс». Или «Метаморфозы» Рихарда Штрауса [11]. Но вы, вероятно, спрашивали меня о любимой книге. Что ж, чтобы не соврать, мне нужно ответить примерно так: «Самый любимый роман у Айрис Мердок – "Прекрасное и благое" [The Nice and the Good], у Толстого – "Анна Каренина", у Диккенса – "Холодный дом" [Bleak House], любимое стихотворение Джона Эшберри – "Конькобежцы" [The Skaters] [12], и так далее.

Энтони Бёрджесс, писатель совсем другого плана, говаривал, что будущее романного жанра – в его слиянии с классической музыкой. Однако Бёрджесс умер, не успев испытать свой принцип на практике. А как представляется Питеру Страубу – возможно ли в теории такое слияние, если слово «классическая» заменить на «джазовая»?

– Может быть, Бёрджессу просто хотелось соригинальничать, – следует ответ, – хотя, конечно, музыку он и в самом деле очень любил. Но как он, интересно, всё это себе представлял? «Ага, только что пришла новая рукопись от мистера Бёрджесса. Так, отнесу-ка я первую главу к нашим скрипачам, послушаем, что она из себя представляет». Сомневаюсь, что какое-нибудь из моих произведений можно сыграть на тенор-саксофоне – но вместе с тем, я всегда слушал очень много джаза, и это не могло не сказаться на моём творчестве. Я слежу за ритмом и темпом повествования, использую музыкальные эффекты, и всё же музыка прозы – это совсем не то же самое, что настоящая музыка. Как-то один критик сказал, что некоторые мои абзацы «танцуют», но вот о том, что под них можно танцевать, он не упомянул.

Если моё мнение вам интересно, я лично с этим согласен: здесь танцует архитектура, а не читатель.

Для тех, кто отлучался на другую планету и потому не в курсе, сообщаем: Питер Страуб собирается снова работать со Стивеном Кингом – над продолжением «Талисмана». Роман вполне может стать новым этапом в творчестве Страуба. Пускай это и довольно самонадеянно, но я всё же осмелюсь предположить, что нас может ожидать возврат к более жёсткому хоррору.

– Идея продолжения была слишком заманчивой, чтобы отказаться от неё, – говорит Страуб. – Я заметил, что мои интересы стали самым странным образом сходиться с интересами Кинга: в «Мешке с костями» [Bag of Bones] много от «Ребекки» [Rebecca] [13] и «Писца Бартлби». Между тем обе эти вещи волновали последнее время и меня: первая сказалась в «Мистере Икс», вторая в «Мистере Клабба и Мистере Каффа». Когда Кинг предложил написать сиквел, мы сопоставили свои идеи относительно сюжета и увидели, что они прекрасно сочетались. Тогда последние сомнения отпали. Кроме того, работать с Кингом – сплошное удовольствие, он очень приятный и умный человек, с большим чувством юмора. Книга не будет называться «Талисман 2»: мы не фильм снимаем, а пишем роман. В данный момент мы прорабатываем канву книги – своего рода Библию её мира. Когда приступим к непосредственной работе, будем, наверное, рассылать друг другу куски романа по электронной почте. Оба ждём не дождёмся, когда же это начнётся.

«Можете ли вы описать типичный рабочий день?», – спрашиваю я, не вполне конкретно.

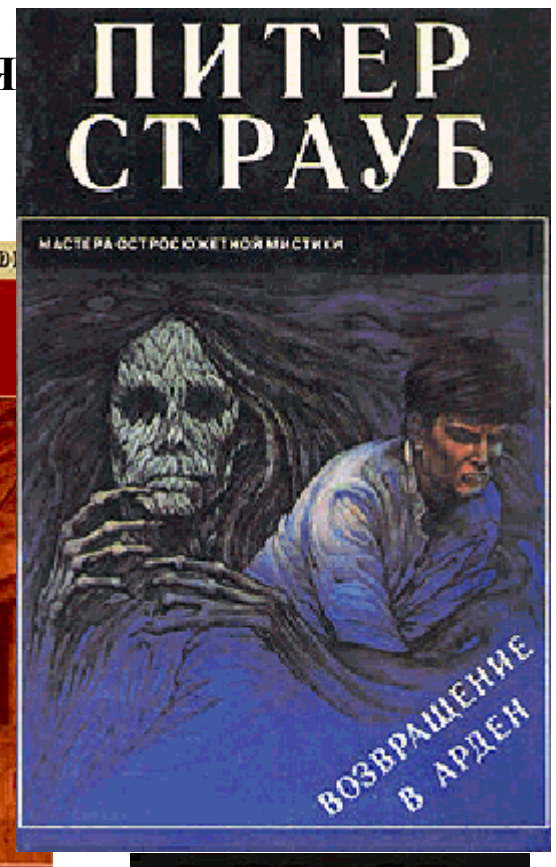
– Разумеется! Типичный рабочий день начинается где-то в восемь или девять утра, заканчивается в пять-шесть вечера, а в середине – часовой перерыв на обед. На работу как таковую уходит примерно треть дня (не считая обеда), а оставшиеся две трети уходят на всяческие встречи, болтовню, флирт, а также на проверку электронной почты, просмотр последних новостей в Интернете и посещение любимых порносайтов. Так вот, с моим рабочим днём это не имеет ничего общего. Если не надо идти в тренажёрный зал, я пробуждаюсь в полдень, облачаюсь в один из моих легендарных костюмов с Савил Роу [14] в белую полоску, потом спускаюсь вниз и кормлю кошек Супернасыщенным Витаминизированным Деликатесом Из Трески и Креветок; усладив себя стаканом обезжиренного молока, пытаюсь сообразить, как лучше назвать предстоящую трапезу – завтраком или обедом; вытаскиваю что-нибудь неописуемое из холодильника и поедаю это, одновременно отбиваясь от кошек, которые более не считают, как днём раньше, что Деликатес Из Трески и Креветок – это то что надо, и теперь склонны считать его дерьмом, в отличие от той вкуснотищи, что ем я сам; потом плетусь наверх, в кабинет; включаю всё, что нужно включить; сажусь за стол; гляжу на монитор; со стоном хватаюсь за голову. Следующие несколько часов работаю в забое. Иногда могу ещё раз сходить вниз и съесть что-нибудь столь же неописуемое – если проголодаюсь. Примерно в шесть снова являюсь на кухню, но не за едой, а за симпатичным большим стаканом, заполненным льдом и прозрачной наркотической жидкостью; этот стакан я с алчностью умыкаю наверх, за чем следует новая порция оханий. Примерно в восемь спускаюсь к ужину, а часа через два вновь взбираюсь по ступеням, беру шахтёрский фонарь, кирку, и спускаюсь обратно в забой, откуда вылезаю только в три утра – и забираюсь наконец в кровать. В дни, когда у меня тренажёры, раньше четырёх дня до своего стола я не добираюсь, и всё в расписании, кроме времени отхода ко сну и свидания с наркотической жидкостью, немного смещается.

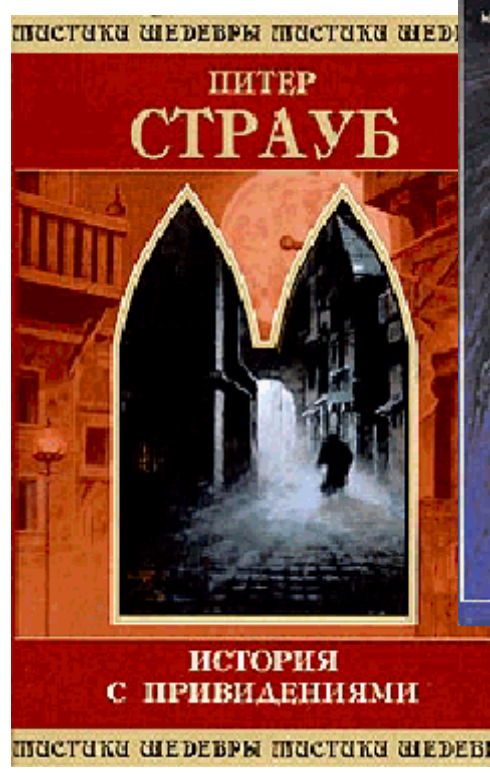
2001г.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА:

[1] *Caille en sarcophage* – «перепёлка в саркофаге», блюдо, популяризованное английской писательницей Карен Бликсен. Здесь французское словосочетание употреблено в смысле «непостижимая загадка».
[2] Речь идёт об одной из номинаций премии Брэма Стокера. Страуб получил эту премию через пять лет после интервью с Дэвидом Мэтью – в 2006-м году.
[3] Роберт Маккаммон вернулся к литературному творчеству в 2002 г..
[4] *World Fantasy Award*, вручается с 1975 г. Слово «фэнтези» здесь понимается в очень широком смысле.
[5] Речь идёт о Великобритании.
[6] *Филип Капуто* (р. 1941) – американский писатель, журналист. Ветеран Вьетнамской войны, которой посвящены многие из его книг.
[7] Основная база – первая из баз в бейсболе. С неё делается подача.
[8] «Голубая Роза» – прозвище серийного убийцы.
[9] «Писец Бартлби» *[Bartleby the Scrivener]* – новелла американского писателя *Германа Мелвилла* (1819 – 1891), автора великого романа «Моби Дик». Критики видят в новелле предвосхищение некоторых идей и приёмов Франца Кафки.
[10] *Чарли Паркер* (1920 – 1954) – легендарный альт-саксофонист, мастер джазовой импровизации.
[11] *Пол Дезмонд* (1924 – 1977) – альт-саксофонист («прохладный джаз»), мастер импровизации; *Рихард Штраус* (1864 – 1949) – немецкий композитор, начинал как модернист. Кроме джаза Питер Страуб любит также классическую музыку и оперу (см. роман «Клуб адского огня»).
[12] *Джон Эшберри* (р. 1927) – американский поэт и драматург.
[13] «Ребекка» (1938) – известнейший роман английской писательницы *Дафны Дюморье* (1907 – 1989)
[14] Савил Роу – это улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных, а также вообще элегантный мужской костюм английского покроя.

Питер СТРАУБ: БИБЛИОГРАФИЯ





- **1973**: ***Marriages***
- **1976**: ***Julia***
- **1976**: ***If You Could See Me Now***

«Возвращение в Арден»

- **1979**: ***Ghost Story***

«История с привидением»

- **1980**: ***Shadowland***

«Обитель теней»

- **1983**: ***Floating Dragon***

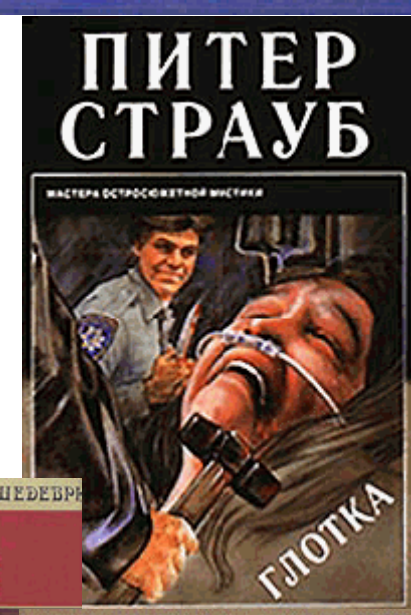
«Парящий дракон»

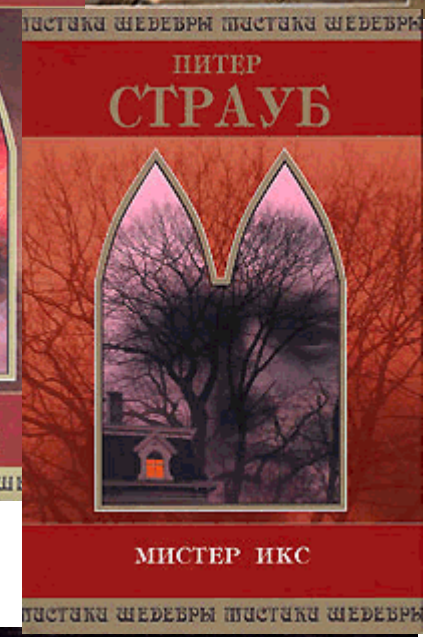
- **1984**: ***The Talisman*** **(with Stephen King)**

«Талисман»

- **1984**: ***Wild Animals*** **(collects *Julia*, *If You Could See Me Now*, and *Under Venus*)**
- **1985**: ***Under Venus***
- **1988**: ***Koko (novel)*** **- World Fantasy Award (1989)**

«Коко»





- **1990**: ***Mystery***

«Тайна»

- **1990**: ***Houses Without Doors***
- **1993**: ***The Throat*** **- Bram Stoker Award (1993)**

«Глотка»

- **1995**: ***The Hellfire Club***

«Клуб адского огня»

- **1999**: ***Mr. X*** **- Bram Stoker Award (1999)**

«Мистер Икс»

- **2000**: ***Magic Terror***

«Магия кошмара»

- **2002**: ***Black House*** **(with Stephen King)**

«Чёрный дом»

- **2003**: ***lost boy lost girl*** **- Bram Stoker Award (2003)**

«Пропавший мальчик, пропавшая девочка»

- **2004**: ***In The Night Room*** **- Bram Stoker Award (2004)**
- **2006**: ***Sides"(collection of non-fiction essays)***

ВАМПИРЫ – С МИФОМ ПО ЖИЗНИ

Автор: Эми Картрайт, журнал Lost Souls
Перевод: Парфенов М. С.

Я хотела бы сказать вам, что настоящие вампиры ложатся спать в гробы, избегают солнечного света, боятся распятия и чеснока, и совершенно не отражаются в зеркалах. Я хотела бы сказать вам это, поскольку многие из вас романтики, листающие страницы изданий вроде этого, полагают, что эти романтично сосущие нашу кровь бессмертные действительно таковы, но это просто-напросто неправда. По крайней мере, я не встречала таких.
*И вот сейчас я собираюсь сказать вам правду: все, что вы всегда хотели знать о вампирах, но (но **ОЧЕНЬ**) боялись спросить.*

Вампиры спят в гробах?
- Кто же станет спать в узком деревянном ящике, когда можно спать в любимой комфортной двуспальной кровати?

Вампиры не отражаются в зеркале?
- Как бы мы делали себе макияж, если бы не могли отражаться в зеркале? Некоторые из нас могут делаться невидимыми в зеркалах. Так мы незамеченными подкрадываемся к своим жертвам.

Могу я убить вампира, вонзив ему в сердце осиновый кол?
- Да уж, это ты можешь сделать, кровавый маньяк. Но с другой стороны – вы кого угодно убьете, если вонзите ему в сердце здоровенную острую палку!

Могут ли вампиры появляться днем при солнечном свете?
- Летом Девушка Вампир одевает свое миниатюрное бикини и идет на берег принимать солнечные ванны… Шучу! Яркий солнечный свет вредит нашим глазам и жжет нашу кожу. Мы можем появляться при дневном свете, хотя не проводим слишком много времени на солнце. Что касается фильмов, где мы взрываемся при контакте с этим непослушным ультрафиолетом, то лично я никогда не видел, чтобы вампир взорвался. Возможно это - то, чем на самом деле является самовозгорание - взрыв вампиров!

Вампиры любят чеснок?
- Нет. А кто его любит?

Вампиры пьют кровь только девственниц?
- Мы предпочитаем кровь девственниц, потому что она чистая. Но в наши дни трудно найти девственницу!

Что будет, если обрызгать вампира святой водой?
- Он промокнет. Следующий вопрос!

Вампир может войти в дом, если его не пригласили?
- Нет, мы благовоспитанны. Было бы ужасно грубо зайти незванному.

Вампиры боятся распятия?
- Я люблю распятия. Вы должны увидеть мою коллекцию!!!

Вампир может выпить ... вина?
- Да, но я предпочитаю кроваво-красное вино, которое льется из ваших вен. Вино хорошей выдержки, разумеется!

АНОНС

В 3-ем номере бесплатного ежеквартального PDF-журнала “Тьма”:

- большой (на 4 полосы!) комикс ужасов от DenmaxX

- рецензии на отечественные фильмы ужасов “Мертвые дочери” и “Ведьма”

- интервью с Аннабель Ли, редактором darkzin’а “Ноктюрн”

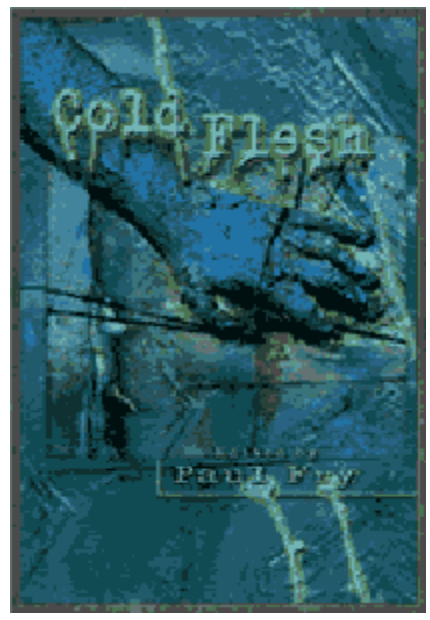
- интервью с представителем издательства “Энигма”

- рассказы авторов ЛоТ, новые переводы и многое другое.

Создание Медиа Монстра
Как авторы-участники могут сообща «продвинуть» свой небольшой сборник-антологию

Автор: Д. Л. Снелл
Перевод: Парфенов М. С.

От переводчика: *Имя Д. Л. Снелла вряд ли знакомо не только нашим обывателям, но даже и любителям темного жанра. Произведения этого автора никогда не издавались на каком-либо другом языке, кроме английского. Поэтому я позволю себе немного рассказать вам о нем прежде, чем вы начнете читать собственно статью мистера Снелла. Это современный молодой американский автор, работающий в жанре хоррор. Автор нескольких книг, многие его рассказы опубликованы в различных журналах и антологиях. Кроме того, мистер Снелл - редактор Permuted Press и член Ассоциации Авторов Хоррора (Horror Writers Association). Нижеследующая статья, конечно, предназначена в первую очередь для жителей США и Великобритании – книжный и журнальный рынок этих стран и стран Восточной Европы разительно отличается (и мы знаем в чью пользу). Однако, как мне кажется, мистер Снелл дает ряд весьма полезных советов, касающихся того, как раскрутить книгу – полезных и для нас с вами.*



Продвигая книгу, автор должен организовывать публичные чтения, подписку, интервью и общение. Он должен отправлять по почте в СМИ пресс-релизы, копии рецензий и флаеры. Он должен создавать рекламные материалы - закладки, эмблемы, вебсайт и т.д. - и должен по сути стать в одном лице публицистом и отделом маркетинга. Подобный труд может быть непосильным для одного человека, если он не одарен свыше шестью руками, тремя ртами, и счетом в швейцарском банке. Однако в случае с небольшим сборником его авторы-участники могут кооперироваться и превратиться в такого многорукого тысячеглазого Медиа Монстра. Но только через сотрудничество, только благодаря синхронности движений рук и говорящих голов.

Как автор двух книг в бумажной обложке и участник шести антологий в бумажной обложке, я породил Медиа Монстров для двух книг: «Монстры Инкорпорейтед» и «Холодная Плоть», издательств Кибер-Палп Букс и Хеллбаунд Букс соответственно. Мои монстры дали рекламу в информационном бюллетене Ассоциации Авторов Ужаса, получили рецензии в известном Hellnotes, и «нанесли ущерб» во многих других областях.

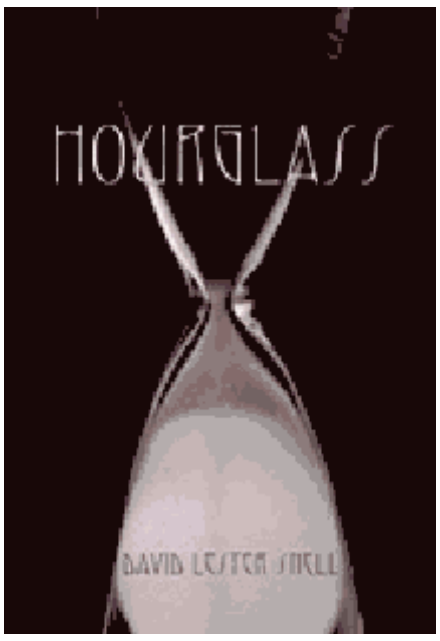
Так что захватите вашу пилу для разрезания костей, скальпель, электроды и переходники. Пришло время дать жизнь вашему собственному медиа монстру.

СШИТЬ ВМЕСТЕ: СВЯЗЬ С ДРУГИМИ УЧАСТНИКАМИ

В качестве первого шага в создании вашего медиа монстра, спросите у редактора антологии, как связаться с другими ее авторами-участниками. Объясните, как вы планируете использовать эту информацию и всегда советуйтесь с вашим редактором насчет ваших идей по продвижению книги. Как только у вас появляется контактная информация и редактор антологии одобряет ваши планы, свяжитесь с другими участниками. Дайте им знать, что вы планируете продвинуть книгу и что вы хотели бы получить их помощь. Подчеркните, что если каждый протянет руку помощи, работы будет минимум, зато выгода по максимуму.

Самое время, чтобы узнать, есть еще ли у кого-нибудь идеи или таланты, которые помогли бы продвижению книги. Если вам повезет, среди участников антологии окажется несколько художников и журнальных редакторов (список авторов «Монстры Инкорпорейтед» включает Редактора *Cthulhu Sex Magazine*, Майкла Аморэля). Всегда помните об этих людях; они оборудуют вашего медиа монстра руками качка-культуриста.

Чтобы поддерживать части монстра сшитыми воедино, ищите в Интернете бесплатные форумы (*в оригинальной статье message board , доска для сообщений, однако у нас более популярны форумы – прим. переводчика*) и пользуйтесь одним из них. Форум – самое удобное место для того, чтобы сообщать новости и отслеживать общие промо-действия. Это место, где участники могут взаимодействовать, лучше узнать друг друга, и обсудить ту или иную идею. В основном, форум станет центром «мозгового штурма» вашего монстра, местом для сообщений, электроразрядом, который побудит его к действиям.



РЕВ, РАЗРЫВАЮЩИЙ ВАШУ ГРУДЬ: «САРАФАННОЕ РАДИО»

Скажите другу, который скажет своим друзьям, которые скажут своим друзьям... это - великолепный способ распространения слухов о новой книге. Скажите кому-нибудь - нет, скажите всем и каждому! - и довольно скоро совершенно незнакомые вам люди услышат о вашей публикации. В случае с антологией, сарафанное радио работает особенно хорошо; вместо одного хриплого авторского голоса у вас целый хор: вопль, крик и даже ворчание.

Так поощрите других участников: пусть расскажут своим друзьям и родным. Попросите, чтобы они подготовили и собрали списки тех, с кем переписываются и любые форумы или чаты, где они часто появляются. У кого-то на работе есть автомат для охлаждения воды? Отлично! Разговор о книге за чашечкой «Дикси» кристальной свежести. Когда каждый поет, кто-то обязательно услышит. И чем больше людей, которые слышат, тем больше появляется ртов у вашего медиа монстра.

ДЕРЖИМ ГОЛОВЫ ВМЕСТЕ: РЕКЛАМИРОВАНИЕ

Рекламирование в журналах и на вебсайтах создает бесценный резонанс, но стоит денег. Профессиональные журналы, те, у которых много читателей, могут быть особенно жадными. Но если вы объедините ваши ресурсы, если каждый войдет в долю, вы сможете дать рекламное объявление в одном из этих желанных мест.

Во-первых, вам понадобится рекламное объявление. Если ваш монстр испытывает недостаток в руках художников, пробуйте взять кисть или мышь сами. Используя Microsoft Word или Фотошоп, почти любой может сделать простую рекламу и избежать выплат художнику-графику. Если же художник в вашей компании есть, опишите ему книжную обложку и предоставьте синопис, чтобы художник смог создать чудесную графическую рекламу.

Когда рекламное объявление (или баннер) закончено, но еще до того, как вы подпишите чек об оплате, попросите, чтобы редакторы журналов из вашей группы разместили бесплатную рекламу в журналах, которые они редактируют. Если у них есть влияние и свободное место, то большинство вносящих вклад редакторов это сделает. Для «Монстры Инкорпорейтед», Майкл Аморэль поместил рекламу на целую страницу в *Cthulhu Sex*, бесплатно; наш монстр танцевал гопака.

После того, как халява закончилась, купите место под рекламу в уважаемых журналах (заметим, что лучше всего реклама работает в еженедельниках). Пусть каждый участник заплатит редактору, который разместит рекламу. Или выберите другой удобный для вех участников способ. У вашего монстра несколько голов: соберите их; договоритесь непосредственно между собой.

СТЕПЛЕР В КАЖДОЙ РУКЕ: РЕКЛАМНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Здесь снова пригодится рука художника. В Ворде или Фотошопе, создайте книжную закладку, касающуюся антологии и пошлите файл каждому участнику. Попросите, чтобы они напечатали и раздали закладки друзьям, семье, знакомым и т.д. Иногда, если вы подарите книжному магазину коллекцию закладок, то продавцы раздадут их клиентам. Вы можете также убедить менеджера или владельца магазина позволить вам разместить несколько из них под обложкой новых книг и бестселлеров, подобных вашей публикации.

Кроме закладок, вы также можете производить флаеры, открытки и эмблемы. Вышлите каждому участнику файлы, которые можно редактировать - таким образом они смогут обновить их если необходимо и напечатать снова. Это - хитрый способ заставить все руки вашего монстра создавать рекламные объявления, не оплачивая всю стоимость печати, и не оплачивая создание всего этого.

Вклад, огромный, как слон: книжные закладки или маленькие уведомления в любой форме корреспонденции. Платеж счета? Вложите закладку. Приближающийся День рождения? Пошлите открытку - и закладку. В каждом конверте по закладке!

WWW.ВАШМЕДИАМОНСТР.СОМ: ПРОДВИЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

Являясь важным маркетинговым инструментом, Интернет предлагает несколько способов промоушена вашей книги. Личные вебсайты определенно один из них, и каждый автор должен иметь такой сайт. Знайте: персональные сайты привлекают больше посетителей, если предлагают услуги или предоставляют информацию. Например, на моем сайте, Exit66.net, я не только демонстрирую свои писательские достижения, я предоставляю свободное место для рекламных объявлений авторов моего жанра. Моей аудитории это нравится, и это заставляет их заходить сюда. Я также предлагаю статьи с практическими рекомендациями относительно писательства, равно как и короткие рассказы – все в свободном доступе.

Попросите, чтобы участники сообщили об антологии на своих сайтах, и затем сделайте это сами. Вы должны также зарегистрироваться во всевозможных сообществах авторов - сообществах, типа Authors.com - и упомянуть антологию в вашем профиле участника. Позаботьтесь о том, чтобы другие участники сделали тоже самое.

Пока вы все равно заняты этим, исследуйте жанровые сообщества, типа Horrorfind.com (проделайте веб-поиск чтобы найти сообщества, наиболее для вас подходящие). Эти сообщества занимаются чем-то, связанным с вашим жанром и у них может быть рекламное место для вашего веб-баннера, который вы или другой участник могли спроектировать для баннерного обмена. Сообщества могут также предлагать бесплатные или заказные рекламные объявления. Используйте их. Это - татуировки вашего монстра. Они дадут народу знать, что ваше творение из себя представляет.

КОЛОССАЛЬНАЯ РОСПИСЬ: СЕССИИ АВТОГРАФОВ

Туры по раздаче автографов, возможно, самый дорогостоящий способ продвижения книги. Иногда издатели популярного чтива финансируют туры, но небольшие издания в основном испытывают недостаток в ресурсах. Если у автора небольшой книги нет времени и денег, он вынужден ограничивать себя местными книжными магазинами и теми, которые находятся в пределах его досягаемости.

Участникам небольшой антологии в бумажной обложке, напротив, повезло. Авторы из другого региона, и даже из-за границы, чаще всего собираются в антологии. Они могут раздавать автографы в местах, о которых вы только мечтали. Например, автор-участник антологии «Холодная Плоть» Ричард Ли живет в Японии, стране, которая, возможно никогда этот сборник не видела. Заставьте каждого участника продать по крайней мере одну книгу, подписанную им. Если вы живете рядом с другим участником, проведите совместную раздачу автографов. Люди любят это.

В любом случае, заставьте каждого давать автографы. Позвольте вашему монстру пересечь континенты, позвольте ему перепрыгивать океаны.

Вклад, огромный как бегемот: Выберите для сессии автографов книжные магазины, которые сообщают местной прессе списки наиболее продаваемых книг (газеты публикуют эти списки и обычно называют магазины, предоставляющие им информацию). Таким образом ваша антология имеет шанс стать бестселлером.

"СЛОНОВЬЯ, ГАРГАНТЮАНСКАЯ, САМАЯ БОЛЬШАЯ КНИГА ВСЕХ ВРЕМЕН": РЕЦЕНЗИИ

Рассылка копий рецензий может превысить бюджет, особенно когда рецензенты отказываются от электронных версий. Чтобы деньги в равной мере были распределены по всем карманам вашего монстра, попросите, чтобы каждый участник оплатил и отправил две-три копии по почте. Получив рецензию, вышлите дубликат каждому участнику и редактору антологии и предложите, чтобы они дали выдержки из рецензии на своих сайтах. Вы также можете процитировать рецензию в рекламных материалах, и где-нибудь еще, где упоминается антология.

Чтобы предотвратить дублирование, создайте список желаемых рецензентов на форуме антологии. Попросите, чтобы ваш редактор назвал рецензентов, от которых он также хочет получить рецензию. Обозреватели получают довольно много заказов. Они здесь для того, чтобы помочь. Не вынуждайте их кричать «Годзилла!» и убивать вашего монстра ракетами.

ЧУДОВИЩНАЯ ЗЛОСТЬ: СТАТЬИ И РАССКАЗЫ

Легкий способ продвинуть книгу - написать о ней. Чтобы поведать о книгах «Монстры Инкорпорейтед» и «Холодная Плоть» (одна про монстров, другая про зомби), я решил написать о ритуале оживления медиа монстра. Из этой статьи читатели не только узнают, как играть в доктора Франкенштейна, они прочтут о моей последней работе, умный и эффективный способ продвижения.

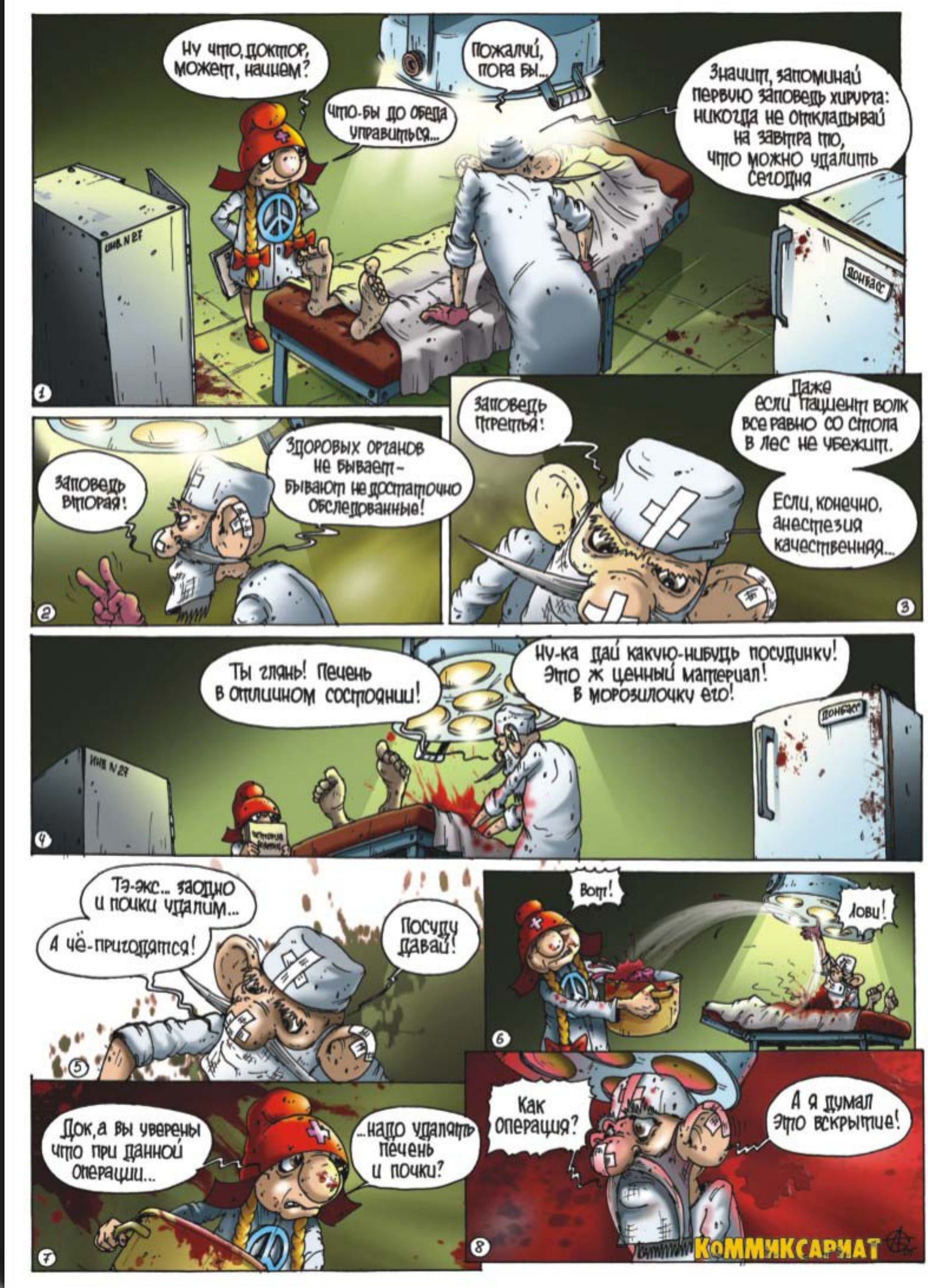
В качестве дополнения к таким статьям, разрекламируйте антологию через рассказы. В вашей биографии просто упомяните книгу и издателя (см. мою биографию для примера). Как более сложный, но выгодной подход - вновь используйте ситуации или персонажей из вашего рассказа в антологии. Читатели любят аллюзии, и если они читают в вашей биографии, что ваш рассказ – предисловие к большему, они могут купить антологию. Наконец, убедите ваших друзей писать статьи и продолжения, и – БА-БАХ! - многочисленные мини-рекламки выскочат повсюду в журналах, как будто ваш монстр раскидал свою ярость кусочками размером с чипс «Спринглс» по всей журнальной стойке.

ОСВОБОДИ ЗВЕРЯ: ПОСЛЕ ИГРЫ

Обеспеченный бесчисленными накачанными руками, хором сладкоречивых ртов и двумя ногами Кинг-Конга, ваш медиа монстр, наконец, жив. Разорвите его цепь, подхлестните его и крикните: "Ату их, парень!" Земля будет колебаться от его шагов. Небоскребы будут дрожать, океаны будут штормить. В далеких странах люди услышат его рев. Они будут бежать в ближайший книжный магазин, чтобы спрятаться, а внутри они увидят вашу закладку. Или, возможно, они увидят одного из вас, авторов, подписывающего книги и усмехающегося как чудовище.

Д. Л. Снелл сначала экспериментировал с медиа монстрами, продвигая антологию ужаса «Монстры Инкорпорейтед», которая содержит его рассказ, "Под ковром". Его последний монстр трудится в поте лица, продавая экземпляр за экземпляром «Холодной Плоти», зомби-антологии, в которую Включен рассказ Снелла, "Легкие колебания тел". За дополнительной информацией, вроде статей или места для бесплатной информации о вашем собственном творчестве, посетите сайт Снелла, Exit66.net.

КОМИКС УЖАСОВ

Как операция?

Александр Бронзоff & Игорь Жеведь